

Цикл публичных дискуссий

«Россия в глобальном контексте»

Выпуск 93

РОССИЯ И БОЛЬШОЙ БЛИЖНИЙ ВОСТОК

Никитский клуб

Н62 Цикл публичных дискуссий.
Россия и Большой Ближний Восток.
Выпуск 93 — М., 2018. — 52 с.

«Россия и Большой Ближний Восток» — тема заседания Никитского клуба, состоявшегося в апреле 2018 года. Суть обсуждения отражена в названиях вступительных докладов: «*Большой Ближний Восток: соревнование мировых игроков или противостояние хвостов, которые вертят собаками?*» (Е. Сатановский); «*Ближний Восток: особенности экономики*» (В. Исаев). Председатель заседания в своём вступительном слове предложил также обратить внимание на следующее: *готовы ли мировые державы воспринимать Ближний Восток таким, каков он есть? не лучше ли иметь дело с авторитарными режимами, чем строить иллюзии насчёт «арабской весны», «эффективного управления» и так далее? и не стоит ли смириться с тем, что прогресс демократических порядков в этой части света наверняка будет привлекать к власти исламистов?* др. (А. Горелик.)

Традиционно события на Ближнем Востоке почему-то воспринимаются как результат неких действий великих держав — бывших метрополий, или сверхдержав. На самом же деле там действуют и контрдействуют постоянно меняющиеся альянсы, не обращая ни малейшего внимания на то, что хотят в Париже, Лондоне, Москве или Вашингтоне (Е. Сатановский). В Лиге арабских государств двадцать два арабских государства, включая те, которые едва ли соответствуют традиционному представлению о государстве. Специфику региона определяет то, что единого арабского мира не существует, и невозможно говорить о единой экономике арабских стран, её не существует (В. Исаев).

Заседание — круглый стол Россия и Большой Ближний Восток

18 апреля 2018 года

Воскресенский Алексей Дмитриевич, директор Центра комплексного китаеведения и региональных проектов МГИМО (У) МИД России, профессор, доктор политических наук, Ph.D. (Манчестерский университет)

Горелик Александр Семёнович, эксперт по международным организациям, директор Информационного центра ООН в г. Москве в 1999–2015 гг., член Совета Никитского клуба

Егерев Сергей Викторович, главный научный сотрудник ИНИОН, доктор физико-математических наук, профессор

Исаев Владимир Александрович, профессор кафедры «Международные экономические отношения» Института стран Азии и Африки (ИСАА) МГУ имени М. В. Ломоносова, доктор экономических наук

Кузнецов Владимир Валерьевич, директор Информационного центра ООН в г. Москве

Мазурик Виктор Петрович, доцент кафедры японской филологии ИСАА (МГУ имени Ломоносова), кандидат филологических наук

Макаров Валерий Леонидович, научный руководитель ЦЭМИ РАН, доктор физико-математических наук, академик РАН

Москвин-Тарханов Михаил Иванович, советник-наставник мэра г. Москвы, заместитель председателя Общественной палаты г. Москвы

Полтерович Виктор Меерович, руководитель направления «Математическая экономика» ЦЭМИ РАН, заместитель директора МШЭ МГУ; почётный президент Новой экономической ассоциации, профессор, доктор экономических наук, академик РАН

Сатановский Евгений Янович, президент Института Ближнего Востока, профессор кафедры иудаики Института стран Азии и Африки (ИСАА) МГУ имени М. В. Ломоносова, кандидат экономических наук

Тамбовцев Виталий Леонидович, профессор экономического ф-та МГУ имени М. В. Ломоносова, доктор экономических наук

Устюжанина Елена Владимировна, заведующая кафедрой экономической теории РЭУ имени Г. В. Плеханова, главный научный сотрудник ЦЭМИ РАН, профессор, доктор экономических наук

Председатель заседания — **А.С. Горелик**.

А. С. Горелик

Добрый вечер, дорогие друзья! Я рад вас приветствовать от имени Никитского клуба, Совета клуба.

У нас сегодня с вами чрезвычайно актуальная встреча. Понятно, что потенциал горячности в дискуссиях на тему Ближнего Востока всегда есть, но ещё месяц назад это было ещё не так, как сейчас. Сейчас вопрос применительно к Ближнему Востоку, как в старом хорошем анекдоте: «Это по-прежнему “ужас!” или уже “ужас! ужас! ужас!?”»

На днях я видел статью в английской газете Guardian, в которой был сделан буквально такой вывод: «This it a very bad moment in the Middle East history». Да, очень плохой момент в истории. Вопрос, конечно, и в том, может ли кто-нибудь вспомнить, чтобы на Ближнем Востоке были какие-то хорошие моменты в Новейшей истории?

Совсем недавно отмечалось столетие Первой мировой войны, в которой Оттоманскую империю угораздило выбрать не ту сторону, в результате чего она прекратила существование. Потом была Декларация Бальфура¹, потом Лига Наций отдала мандат на большие куски того, что мы называем Большим Ближним Востоком, Великобритании и Франции. Дальнейшая история тоже принесла много интересного и разного.

Если посмотреть на Большой Ближний Восток сегодня, то, выражаясь известной формулой Саддама Хусейна, Сирию сегодня можно назвать «матерью всех кризисов». Кризисов там много, не буду сейчас на эту тему говорить, мы, конечно, затронем эти вопросы. Все вы видели программу, знаете, что наши докладчики сегодня — знающие и интересные и полемисты, и эксперты, и писатели: Евгений Янович Сатановский, президент Института Ближнего Востока, профессор кафедры иудаики Института стран Азии и Африки (ИСАА) МГУ имени М. В. Ломоносова. И Владимир Александрович Исаев, профессор кафедры «Международные экономические отношения» Института стран Азии и Африки (ИСАА) МГУ имени М. В. Ломоносова. Я надеюсь, что дискуссия будет у нас и глубокой, и наверняка эмоциональной.

Возвращаясь к Сирии, понятно, что Дамаск выступает умелым манипулятором. И в том, как Евгений Янович назвал свой доклад, это уже просматривается. Не будем забывать о вовлеченности Израиля в то, что происходит. Россия и Израиль вроде бы договорились о том, как избежать рикошета в своих действиях в Сирии, но полностью ли они просчитывают намерения друг друга — тоже интересный вопрос.

Тема использования химического оружия архиактуальная сегодня, архиострая. Не знаю, будем ли мы говорить сегодня на эту тему, но я, когда готовился и просматривал свои прежние досье, неоднократно натыкался на ирако-иранскую войну 1980–1988 гг. прошлого века, где войска Саддама Хусейна всю использовали

¹ Декларация Бальфура 1917 года — официальное письмо, датированное 2 ноября 1917 года, от министра иностранных дел Великобритании Артура Бальфура к лорду Ротшильду, представителю британской еврейской общины, для передачи Сионистской федерации Великобритании.

А. С. Горелик

химическое оружие. И тогда никакого неодобрительного хора ни со стороны западных держав, ни откуда-нибудь ещё не было. Это объяснимо, может быть, и этот вопрос сегодня возникнет.

Наконец, как часто бывает, палестинцы оказались той стороной, которая, похоже, проигрывает сейчас при любом развитии событий. Напоминая о своём отчаянии, они развернули в последнюю неделю массовую демонстрацию на границе с Израилем, в результате которой погибли уже десятки человек.

В каком же формате искать развязки этого гордиева узла — наверняка мы будем сегодня на эту тему тоже говорить. Есть ли в мировых столицах какое-то понимание стратегии, какое-то понимание того, что может быть *exit strategies*? Интересная тема, сомневаюсь, что где-то есть чёткие планы. Центральный международный орган, близкий мне в силу моей профессии Совет Безопасности ООН, благополучно стреножен, увяз в перепалках и трудно ожидать, судя по развитию событий, что оттуда придёт какое-то решение.

На Большом Ближнем Востоке есть ещё Йемен, который ООН называет наихудшей гуманитарной катастрофой в сегодняшнем мире. Есть Ливан и Ирак. В общем

картина напоминает то, что современный американский философ Стивен Пинкер описывает в книге «The Better Angels of Our Nature» («Хорошие стороны нашей человеческой натуры»). Там он описывает классическую дилемму в области безопасности, называемую им «гопсовской дилеммой», или «дилеммой по Томасу Гопсу». Согласно этой дилемме, меры какого-то государства по повышению собственной безопасности способны подтолкнуть другие государства на превентивные действия, ожидаемым результатом чего может стать пружина более крутой эскалации.

Я завершаю, у меня есть несколько не очень удобных вопросов, которые я хотел бы задать их сегодняшним докладчикам. Готовы ли мировые державы воспринимать Ближний Восток таким, каков он есть? Не лучше ли иметь дело с авторитарными режимами, чем строить иллюзии насчёт «арабской весны», «эффективного управления» (good governance) и так далее. В этой же связи вопрос: не стоит ли смириться с тем, что прогресс демократических порядков в этой части света наверняка будет привлекать к власти исламистов? В противном случае опыт демократии никогда там, видимо, не накопится. И последний мой вопрос, он больше относится ко второму комментарию: не пора ли признать, что качественное образование, создание рабочих мест, прогресс с гендерным равенством, наконец то, что называется устойчивым развитием,— вот это настоящие приоритеты и единственный путь выхода из замкнутого круга нестабильности и кризисов на Большом Ближнем Востоке?

С удовольствием предоставляю слово нашим спикерам. Евгений Янович Сатановский, название доклада: «Большой Ближний Восток: соревнование мировых игроков или противостояние хвостов, которые вертят собаками?» Прощу!

Е. Я. Сатановский

На все ваши неудобные вопросы у нас есть более неудобные ответы.

Узок круг представителей Организации Объединённых Наций, далеки они от народа. Всё это хождение по кругу со словами про великие державы, гендерное равенство — замечательно, но не имеет никакого отношения к реальности. Это примерно как столетней давности история со свержением царя: все хотели хорошего — что произошло, примерно ясно. У французов тоже так было, когда в период стабильности неплохо кушающие и хорошо оплачиваемые люди придумывают разные теории, а жизнь меж тем идёт своим чередом. Потом они страшно удивляются, почему никто им головы не снёс, но, как опыт показывает, продолжают с тем же упорством обрабатывать эти темы.

Очень трогательно насчёт палестинской темы. «Бобик сдох» — это можно признать, как Трамп, или не признавать, но на самом деле палестинцы не хотят этого государства. Какое государство? Была большая афера, которую израильтяне по глупости своей проглотили. На сегодняшний день идёт большая драка между ХАМАС и ФАТХ [палестинские исламистское движение и политическая партия], большая гражданская война. И, в принципе, у них у всех задача состоит не в том, чтобы какое-то государство создать.

Е. Я. Сатановский

Страшный сон для палестинских начальников, если возникнет палестинское государство — маленькое, бедное, с проблемами; а тут несколько миллиардов в год разворачиваются в постоянном режиме безо всякой ответственности.

Посмотрите на бюджет ООН и на долю минимум 15% этого бюджета, которой в начале 90-го года кормились порядка 20000 чиновников, сегодня — более 30000 чиновников, кормящихся на палестинском направлении. Насчёт эффективного менеджмента — давайте уж к Собянину или к Полтавченко. Когда они что-нибудь эффективное сделают или хотя бы мусор в Подмоскowie разберут, тогда следующим шагом я буду обсуждать палестинское государство.

Конечно, каждый год нужно поднимать какую-нибудь толпу народа, гнать их к израильской границе, к забору безопасности, и провоцировать волнения. После того как кого-то пристрелят, неизбежно — сколько можно терпеть эти провокации! — возникает очередная волна сбора средств. И дамы, и господа в мировых столицах продолжают кампанию за делигитимацию Израиля и бойкот Израилю.

Это одна из тем о том, что творится в мире на самом деле и что творится в мире теоретически.

Сирия: какой же Асад манипулятор? Несчастный офтальмолог, волею судеб заброшенный вместо своего батюшки, настоящего президента, правильного восточного диктатора, во власть, и ежели бы не гибель его брата Баселя в автокатастрофе, Башара Асада близко никто бы не подпустил к управлению. И никто даже не мог представить, что сирийская гражданская война не закончится так же, как все печальные события, которые почему-то в мире изящно называли «арабской весной». Но так получилось, что баланс христиан, алавитов, других шиитов и суннитов в этой стране был слишком не похож на то, что было в Египте, Тунисе и тем более в Ливии. Понимая, что их физически вырежут, те несколько миллионов человек, которые «за Асада», умудрились при поддержке Ирана дождаться ситуации, при которой у нас возникла дискуссия с западными коллегами по Украине и мы поняли, что раз мы — следующие, надо останавливать свержение одного государства другими коллективным Западом.

Асаду веры нет никакой — это точно. Всё, что он как нормальный ближневосточный человек может сказать, умножается тут же на ноль всеми теми, кто его знает. Следить за ним надо, и надо бить по рукам в ту секунду, как он попытается сделать шаг влево, шаг вправо. А кто там, на Ближнем Востоке, не такой? И при этом, во всяком случае исходя из моего общения с руководством армии, единственно, с кем вообще там есть нормальная связь, это Израиль, чего у нас никто не предполагал — ни министр, ни начальник Генерального штаба. На сегодняшний день бывают разногласия, но с ними это решается.

Веры иранцам, которые считаются нашими союзниками (журналистами в основном, потому что средневзвешенный журналист — болван по определению, и судя по тому, что он говорит и пишет, это навсегда), также нет. К иранцам веры и симпатии куда меньше, чем к израильтянам, которые говорят, что будут делать, и делают то, что говорят. В этом плане прямая линия между Путиным, начальниками генштабов, министрами обороны, достаточно странная для нашей Фрунзенской набережной, но тем не менее работает. Это маленькая ремарка на начало разговора.

Разговор был бы совсем о другом, и сейчас, кстати говоря, и будет. Мы традиционно всегда полагаем почему-то события на Ближнем Востоке, вообще события в мировой политике, некоторым результатом действий великих держав, бывших метрополий или сверхдержав, — если говорить о нас как бывшей сверхдержаве и американцах, которые пока доживают свой век как единственная сверхдержава, с интересом наблюдая за Китаем, который становятся таковым на наших глазах, в том числе в Африке и на Ближнем Востоке.

На самом деле, очень любопытные процессы там — на которые отечественная пресса не обращает никакого внимания и очень часто отечественные специалисты тоже — показывают, насколько сложившиеся и складывающиеся, постоянно меняющиеся альянсы там действуют и контрдействуют, не обращая ни малейшего внимания на то, что хотят в Париже, Лондоне, Москве или в Вашингтоне.

Давайте немного поговорим на тему, что за альянсы сейчас там сидят. Мы говорим что-то про Йемен, Сирию, Ливию, а на самом деле управляют ситуацией в регионе давным-давно другие игроки — те самые хвосты, которые вертят собаками. Я уже не говорю о том, что в ситуации с Западом Франция, Британия, США выполняют роль ландскнехтов.

Проплачено свержение Асада. Кто помнит девяностые годы, представляет себе, что вполне можно было купить кого и что угодно в нашей стране. Кто сказал, что президента Франции нельзя купить? У него есть конкретная цена. Вопрос — кто его купит и как использует. Для чего именно и кто этому будет сопротивляться — тема отдельная. Но вот у нас есть Франция. Там был недавно президент Саркози, которого арестовали. Арестовали его просто потому, что Саудовская Аравия предложила действующему французскому премьер-министру вывести Саркози из игры на африканском континенте, где он всячески лоббировал газовые контракты Катара — маленького государства, которое часто называют «лающей мышью», и делал это вполне официально и весьма эффективно.

Вечная борьба Катара и Саудовской Аравии, о которой у нас почти никто не говорит, — это борьба сверхкрупных государств в экономическом плане. Катар крошечный, но у него порядка 100 миллиардов долларов остаётся ежегодно, которые не нужно тратить на переброску газа через тундру в Европу и при этом ещё биться на тему каких-то «потоков», а просто вы сжижаете газ и перевозите.

Итак, у вас минимум лишних 100 миллиардов долларов в год. Вы их куда-то должны деть, а тут огромные амбиции: государство тоже салафитское, но поумней, чем саудовское руководство, такой салафизм «с человеческим лицом». И в этом плане гибкая политика сочетания братьев-мусульман и салафитских террористов как инструмент влияния на арабскую массу — «Исламское государство» был катарский проект — показывает нам, как это работает. Вытесненные с саудовского рынка вооружения французы делают всё, чтобы на него вернуться (тот же Трамп их оттуда выбросил), — вот вам и арест Саркози.

А когда вы начинаете смотреть, где же происходили теракты, вы обнаруживаете удивительный теракт в Ницце. Мегагонорар тунисец, который прогнал грузовик через толпу французов в Ницце на набережной и перебил десятки человек, составил несколько сотен тысяч евро. Никто, кроме Катара, ему не платил. Единственная мотивация, которая была здесь вскрыта: Саркози собирался вступить в президентскую гонку и надо было убрать Оланда, который тогда был президентом, показать, что он не контролирует безопасность во Франции. Кто-нибудь об этом говорил? Нет, говорили всякие глупости на тему, что почему-то какие-то люди из «Исламского государства» атакуют Европу.

До настоящего времени ни в Германии, ни во Франции, ни в Бельгии не было ни одного теракта, в котором действительно был бы след «Исламского государства». Интересы ближневосточных держав — это да; различные столкновения саудовцев и катарцев, проблемы, связанные с другими державами Залива, — да, это всё было.

Итак, на Ближнем Востоке у нас есть тандем № 1 — Катар и Турция. Турция здесь — основной военный кулак, во главе страны Эрдоган, абсолютно авторитарный лидер, но лидер партии, близкой к «Братьям-мусульманам». Партия справедливости и развития (ПСР) — это то же самое, что «Братья-мусульмане» или палестинский ХАМАС, за который он так ярко выступает. Мы видим сегодня, как катарско-турецкие проекты развиваются в сеть опорных точек в виде военных, военно-морских баз и совместных проектов спецслужб в районе Великих Африканских озёр, на Африканском роге, в том числе в Сомали. В Сирии они играют в тандеме.

Тандем № 2 — Эмираты и Египет. Основной интерес ОАЭ — это портовая инфраструктура и логистика в регионе Красного моря и во всех прочих точках, имеющих отношение к акватории Индийского океана. Именно поэтому мы видим их базы в Джибути, в Берабере, где расположена сомалийская база, бывшая советская (база ВМФ СССР в 1964–1977 гг.), и много где ещё. Из Джибути саудовцам удалось вытеснить ОАЭ, и сегодня их опорной точки там нет.

Мы наблюдаем жёсткий конфликт АРЕ (Арабская Республика Египет) с турками и катарцами, в том числе по поводу проекта эфиопской плотины на Голубом Ниле, потому что если её достроят в следующем году, то у Египта минусуется 30% воды и порядка 40% электричества. Это коллапс страны. Там идёт тяжелейшая война — террористическая, экономическая, какая угодно. Опять же серьёзное взаимодействие с Лондоном, Парижем и с американцами на тему военных контрактов и работы с разведками.

Третий из игроков региона — Саудовская Аравия. Волк-одиночка, потому что никаких альянсов у саудовцев ни с кем нет. Они втянули Эмираты в операцию в Йемене. Операция в Йемене на сегодняшний день показывает, что интересы у них разные. Идут прямые боестолкновения их военных, в том числе за контроль над Аденом. Эмираты ставят на отделение Южного Йемена, потому что им нужен аденский порт, один из крупнейших в регионе.

Мы уже говорили о морской логистике. Саудовцам необходимо, чтобы принадлежность Саудовской Аравии оккупированной в тридцатые годы территории в йеменской провинции Асир подписали три подряд йеменских президента. Так распорядился ныне покойный Али Абдулла Салех, который стал первым из них. И сегодня он пока последний. Даже официально признанный международным сообществом президент Хади пока этого не сделал.

Вообще, если вы встречаете формулировку «официально признанный международным сообществом» о каком-нибудь политическом деятеле, это значит, что он пустое место, у него нет военной опоры, нет опоры даже на какие-то племена, в том числе в собственной провинции. Но зато международное сообщество по какой-то своей причине (отдельная тема — финансовые размеры этих причин и кто оплачивает, в данном случае Саудовская Аравия, если говорить о Хади) таковым его признаёт, что ничего равным счётом не обозначает «на земле».

Мы сейчас говорим об этих основных двух альянсах и одном отдельно стоящем игроке. При этом, может быть, было бы лучше, если бы великие державы чем-то

распоряжались и шла бы нормальная Большая игра. Но она прошла. А потом некоторые из фигур на этой игровой доске стали сами игроками.

Вы смотрите сегодня на американское руководство: замечательный президент Трамп. Вполне себе экзотический, для меня как для этнического еврея хорошо, что он хотя бы к Израилю хорошо относится. А в общем, от этого никому ни холодно ни жарко, потому что то же признание Иерусалима столицей государства Израиля — так Путин это сделал на несколько месяцев раньше. Просто этого никто не заметил, но у нас было соответствующее заявление по палестино-израильскому конфликту: в седьмом, кажется, пункте было прописано, что Восточный Иерусалим мы полагаем столицей будущего государства Палестины, а Западный — столицей Израиля. На эту тему соответствующие рескрипты уже выходят. Просто наши это сделали тихо, не ссорясь ни с кем из арабов.

Мы видим, что происходит в арабо-американских отношениях. Трамп — блестящий бизнесмен, любящий и умеющий блефовать, ссорит между собой Катар и Саудовскую Аравию. Арабская четвёрка: Бахрейн, Эмираты, Египет и Саудовская Аравия объявляют блокаду Катару. После этого он [Трамп] немедленно меняет свою точку зрения: просто Саудовская Аравия подписала с США военные контракты на 107 миллиардов долларов (ещё вопрос, кто будет выполнять) и на 350 миллиардов долларов на общие цели, включая гражданские. А Катар — поменьше: он подписал покупку самолётов на 12 миллиардов долларов и тут же перестал быть террористическим государством, что ввело в большое изумление Эр-Рияд и его союзников по блокаде Катара. Но деньги американская промышленность всё равно получит и от тех, и от других.

Большая игра со всеми, все против всех, все всех обманывают. Будет ли в результате этого война между нами и западным блоком? Не будет, говорю я сегодня с чувством глубокого удовлетворения, потому что проблемы в Сирии показали, что два главных миротворца с американской стороны — министр обороны и руководитель комитета начальников штабов — категорически против прямого военного столкновения с Россией. Это — во-первых.

Во-вторых, все доклады военных говорят, что технологии, о которых Путин докладывал Федеральному собранию Совета Федерации, действительно у нас есть, и это означает, что никакой войны с НАТО у России не будет.

В-третьих, поскольку ситуация дошла до того, что западная военная техника, которая была использована в Сирии на этих выходных, насколько я могу судить по Шойгу, отправилась бы, в случае чего, на дно Средиземного моря приблизительно в течение получаса, заставляло быть жёстко ограниченными, чрезвычайно конвенциональными. Вообще, единственное направление, по которому у нас нормальные отношения с Соединёнными Штатами, — это направление военных и спецслужб. Тут всё работает как часы, и это хорошая новость, потому что у нас с ними холодная война и приключений в этом плане будет много.

Мы сегодня находимся в положении жёсткого конфликта различных стран друг с другом по разным поводам. О химических темах по Сирии я даже говорить не буду,

потому что химическое разоружение Сирии произошло давно. То, что сегодня происходит вокруг, — это идея «надо назначить, зачем бить»: на Западе принята на вооружение тема химического оружия, которое в Сирии давно не производят, его не на чем производить.

К сожалению, в западных столицах сегодня уровень политической элиты, которая отвечает за планы или действия, ушёл вниз до состояния, когда холодную войну приходится вспоминать с глубокой ностальгией, потому что там были правила игры, её вели профессионалы и было понятно, как с этим работать. Но в сегодняшнем состоянии мира придётся жить несколько десятилетий.

С удовольствием отвечу на вопросы. Я искренне надеюсь, что испортил всем настроение в достаточной степени, чтобы эти вопросы возникли.

А. С. Горелик

Спасибо. Я думаю, что вы действительно разогрели аудиторию и сулю вам массу интересных вопросов. У нас два сообщения соединены внутренней логикой. Давайте прослушаем второй комментарий, после чего начнём задавать вопросы, а потом уже — выступления. Пожалуйста — Владимир Александрович Исаев, тема доклада: «Ближний Восток: особенности экономики».

В. А. Исаев

Уважаемые присутствующие, позвольте мне продолжить ту же линию, то есть портить настроение по поводу того, что там происходит.

Прежде всего, Александр Семёнович, на Ваше замечание о гендерном равенстве. Давайте перенесём гендерный вопрос лет на сто–двести минимум по очень простой причине. В Библии ничего не сказано о каком-то равенстве полов, а в Коране есть насчёт неравенства полов. Коран читайте не в переводах, сделанных за последние десятки лет, которые абсолютно не профессиональны. Тяжёлый труд — Коран в переводах Саблукова², Крачковского³ (если хотите одолеть — дерзайте), где очень чётко сказано, что женщина — «сосуд греха», во-первых. И во-вторых, по шариату (мусульманскому праву) в любом суде свидетельство двух женщин приравнивается к свидетельству одного мужчины.

Достаточно о равенстве полов? Раз это написано в священном писании для мусульман, я не думаю, что что-то изменится в ближайшие сто–двести лет.

² Саблуков Гордий Семёнович (1893–1889) — русский востоковед, профессор Казанской духовной академии, исследователь ислама, автор первого опубликованного перевода Корана с арабского языка на русский.

³ Крачковский Игнатий Юрьевич (1883–1951) — русский и советский арабист, академик Российской академии наук (с 1921 г., с 1925 — АН СССР); один из создателей школы советской арабистики, член Императорского Православного Палестинского Общества. Один из авторов первого издания «Энциклопедии ислама».

В. А. Исаев

Теперь насчёт того, как у них там с образованием. Когда я работал в Кувейтском университете, при мне был принят закон «О всеобщем бесплатном обязательном высшем образовании для кувейтцев». Бесплатное образование во всех арабских странах в обязательном порядке! — я перехожу к экономике, к теме своего выступления. Хочу, чтобы присутствующие чётко поняли: невозможно говорить о единой экономике арабских стран, её не существует. Точно так же, как не существует единого арабского мира.

А язык? Попробуйте поговорить с иракцем и с марокканцем: если они будут говорить между собой на диалектах, они друг друга не поймут. Это Коран написан на классическом языке, газеты, на таком языке выступают президенты, но основная часть населения не говорит на литературном арабском языке, на котором написан Коран.

Второе — религия. Во всех арабских странах ислам, но в одних арабских странах — зейдиты, в других — шииты, в третьих — ибадиты, в четвертых — алавиты, в пятых — сунниты. Я вас уверяю, что эти религиозные направления друг друга недолюбливают. Какая у них общая история? Что они в VII веке выплеснулись с Аравийского полуострова и покорили огромные территории? А как покорили? Они растворились в этих территориях, в покорённых народах, оставив религию и язык. Все! Когда халиф

сидел в Дамаске или Багдаде, а нужно было послать свой фирман [указ халифа], скажем, в Гранаду,— сколько времени шёл его фирман? Как вы считаете, когда его наместник в Гранаде получал фирман, он прислушивался к тому, что в нём было сказано? Я думаю, что нет, потому что в регионе давным-давно нет халифа, потому что его уже убили, отравили или ещё что-то с ним произошло. С этой точки зрения нужно тоже быть реалистами.

Попробуем этих арабов объединить в единое целое. Если я объединяю единое целое, придётся вас немного завалить цифрами. На сегодняшний день официально насчитывается двадцать две арабских страны, потому что в Лиге арабских государств, организованной ещё в 1945 году, насчитывается двадцать два члена. Некоторые из них достаточно экзотические, об одном из них уже Евгений Янович сказал. Например, там в качестве государства присутствует Палестина, которая не признана государством значительной частью стран. Кроме того, туда входят такие экзотические страны, как например, Коморские острова. Почему вдруг Коморские острова стали арабским государством, и когда там вообще проживали арабы? Я уже не говорю о Мавритании, Сомали, которые к арабским странам относятся с большой натяжкой. Тем не менее в Лиге арабских государств двадцать два арабских государства.

Площадь немного больше 12 миллионов километров, тоже неплохо. Население. Одни источники говорят 300 миллионов, другие — 320; максимально, что я слышал, — 360. Почему такая разница? Во многих странах просто не было переписи населения. Иногда по религиозным причинам, как в Ливане с 30-х годов, потому что согласно той переписи населения там было больше христиан и все посты в государстве были распределены в соотношении 6:5 в пользу христиан. С тех пор положение изменилось. Если опираться на прежнюю конфессиональную систему переписи, то власть должна перейти к мусульманам. Вы понимаете, как к этому относятся христиане.

Если брать основу демократии «один человек — один голос», опять выигрывают мусульмане. Этого христиане в Ливане не допустят, и не допускают по сей день. А в некоторых странах типа Египта, с какой такой радости крестьянину показывать своих детей? Чтобы лишние налоги платить государству? К налогам у всех негативное отношение, у арабов — тем более. Я перехожу к некоторым экономическим проблемам, которые густо замешаны на Коране.

По Корану то, что находится в земле, не может принадлежать отдельно взятому человеку. Это принадлежит Аллаху и, соответственно, должно быть равномерно распределено среди всех тех, на чьих землях находятся эти источники. Это относится только к нефти и газу, которыми столь богаты арабские страны? Что вы! Я вам приведу ещё положение из Корана: вода. В Коране читаем следующее: в основу использования воды положен принцип «права жаждущего», согласно которому (цитирую) «любой человек и его скот может получить возможность утолить жажду в любом месте, где он находится, или через которое он следует». При этом вода как дар Божий предоставляется всем и за неё плата не взимается в пользу казны, то есть государства.

Так как насчёт священного права частной собственности? Если вы житель арабской страны — к вам может зайти любой человек в дом и выпить, вместе со скотом, кстати, или с семьёй, и попробуйте ему отказать. То же самое происходит и с другими вещами.

Тут я должен остановиться на некоторых вещах. Арабские страны относятся к странам развивающимся. Все понятия, которые вырабатывались ещё в 60–70-е годы, давно устарели. А какие страны не развивающиеся? Их что, можно назвать деградирующими? Назовите хоть одну страну, которая бы сказала: «Я не развивающаяся страна». Соединённые Штаты не развиваются? Катар не развивается? Уже у нас получается полная глупость. Тогда я задаю следующий вопрос сторонникам этих теорий: на каком основании вы выделяете развивающиеся страны? С какого бодуна Южная Корея — развивающаяся страна? А как тогда делить, может быть, по доле индустрии в ВВП? У Саудовской Аравии она больше, чем в Соединённых Штатах. По инновациям, по числу патентов? Израиль на первом месте. И так далее.

Сейчас эти понятия сильно сдвинулись. А как в своё время выдвинулась теория Третьего мира? Третий — потому что вторыми были социалистические страны. Нет социалистических стран, а Третий мир остался. И в него слили всех остальных, за исключением Европы, США, Канады и Израиля, ЮАР. Теоретические споры идут и разбираются, но разобраться до сих пор не могут.

Предположим, что арабы являют собой нечто вместе взятое. Эти двенадцать с лишним миллионов квадратных километров, 70% которых находится в Африке, а не в Азии, где Сирия и Саудовская Аравия. Давайте посмотрим такие вещи, как ВВП. Если мы суммируем весь ВВП, то получим, что в 2016 году их ВВП достиг 2,4 триллиона долларов. Много или мало? Для сравнения: в Японии — 4,9, в России — 1,3, в Индии — 2,3, Индию обогнали. А Францию не догнали, потому что во Франции — 2,5; Великобританию не догнали, потому что в Великобритании — 2,6; и ФРГ не догнали.

Не буду продолжать дальше. Но дело в том, что эти показатели не размазываются на всех, они размазываются по-разному. Есть богатые страны, а есть страны, которые ООН относят к бедным. Посмотрите и вы увидите, что, например, на первом месте в мире по душевому доходу находится страна Лихтенштейн. Сингапур тоже где-то в этих местах. Катар занимает какое-то несчастное четвёртое место. Как считают? Дело в том, что берётся всё население Катара вместе с эмигрантами, вместе с той рабочей силой, которая находится на территории этой страны. А сколько там настоящих катарцев, которые имеют настоящие паспорта? Одиннадцать процентов от всего населения этого грозного государства, которое Женя [Сатановский] назвал «лающей мышью».

Если мы поделим то, что получает Катар только на коренных жителей, то там близко никто не стоял, никакие Лихтенштейны и Соединённые Штаты. Если мы то же самое сделаем со всеми странами, которые относим к Заливу, то они оказываются на первых местах. И это очень серьёзно. И отсюда создаётся то, что препятствует каким-то единым действиям, идеям объединения тех стран, которых мы относим к арабским.

Разница по ВВП на душу населения по Мавритании и Катару — 1:89. Что может быть общего у этих стран? Приведу буквально несколько цифр, чтобы вы представили себе это. Насчёт нефти — Аллах даровал нефть правоверным, что поделаешь! Достоверные запасы нефти на прошлый год в арабских странах — почти 48%, по газу — 48,3%. Мировая обеспеченность текущей добычей достоверными запасами на прошлый год составляла в среднем по миру чуть больше 53 лет, в арабских странах — 78 с лишним лет, в Северной Америке — 37,4 года. По газу обеспеченность в мире в среднем 55 лет, у арабов больше 100 лет, а в Евросоюзе — чуть больше 9 лет, в Северной Америке — 13 лет и так далее.

Ещё одна немаловажная деталь. Мне часто приходится слышать от многих, даже не от пропагандистов, даже не журналистов, а от тех людей, которые называют себя экспертами. Они начинают обвинять многие арабские страны в том, что над ними висит нефтяное проклятие. Слушайте, приведу вам пример Кувейта. Посмотрите на его хозяйство: девяносто с лишним процентов его экспорта — это нефть и её составляющие. А что вы от него хотели? В Катаре и Саудовской Аравии то же самое. Кувейту не хватает воды, они уже всю землю, каждый километр избурили в поисках воды. Что находят? Нефть и газ. Боже мой, какое несчастье! Поэтому они затыкают нефте- и газоскважины и продолжают жить дальше. Обеспеченность Кувейта только нефтью — больше 180 лет. Вы хотите, чтобы он там пшеницу выращивал? Что значит «развитое хозяйство»? Вы понимаете, что размеры этих государств не годятся для этого?

Приведу в пример Бахрейн: 727 квадратных километров, купил он истребители у Соединённых Штатов — какое счастье! Как только истребители взлетают, он получает протесты от Ирана. Почему? Взлетая, они нарушают воздушное пространство Ирана: развернуться негде. И вы хотите, чтобы он там выращивал и создавал развитое сельское хозяйство, строил автосборочные заводы? Завод, который выпускает меньше 50 тысяч автомобилей, не рентабелен. Зачем Кувейту строить этот завод? Он покупает 27% Mercedes и считает это своей машиной. Все такси в Кувейте — Mercedes. В ОАЭ вся полиция сидит на Lamborghini.

Как насчёт социального пакета в этих странах? Бесплатное образование на всех ступенях, бесплатная медицина на всех ступенях. Если нет специалиста в этой стране, больной за счёт государства направляется в любую страну мира, чтобы его там вылечили, и он не тратит при этом ни копейки. Я уже не говорю о выплатах по случаю рождения, смерти, свадеб. Стипендия — есть такое положение в тех же Бахрейне и Катаре: если студент уезжает, хочет учиться, неважно, в каком университете мира, то его стипендия должна быть в три раза больше, чем та стипендия, которая выплачивается в принимающей стране.

Говорить о том, что есть какое-то единство между арабскими странами, у которых очень расходятся цели, — это несерьёзно. Каждая из них сама по себе. О единой экономике говорить не приходится. Обвинять их в таких вещах, как нефтяное проклятие, глупо. Вы обратили внимание, какой там климат? Кроме всего прочего, где

вы будете выращивать, в Ливии? Ливия и Египет были житницей Римской империи. Но сейчас 96% территории Египта — пустыня, 98% территории Ливии — пустыня, 96% территории Алжира — пустыня. Сеять там пшеницу невыгодно, это занимает слишком большое земельное пространство.

Приведу в заключение ещё пару цифр. Если вы посмотрите баланс торговли арабского региона по продовольствию, — ни одна страна не имеет положительных цифр. Извините, одна имеет: Сомали. Странно, да? Эти сомали-лэнды? Очень просто. Там отгонное пастбищное скотоводство, и они поставляют живой скот в Саудовскую Аравию. А у самих потребление слегка маленькое, поэтому это единственная страна, которая за последние пять лет имеет положительный баланс торговли продовольствием. Все остальные — импортёры. Поэтому недаром арабы с грустью говорят, что наши коровы пасутся во Франции, а наша пшеница американского или российского производства.

До недавнего времени каждая третья лепёшка, которая съедалась египтянином, выпекалась из американской муки. Сейчас немного ситуация изменилась. И теперь тот же Запад, а теперь мы тоже, давайте говорить честно, продовольствием их за глотку держим достаточно плотно.

На этой оптимистической ноте я заканчиваю своё выступление.

А. С. Горелик

Спасибо большое обоим нашим докладчикам. Я думаю, что они оправдали наши ожидания. Может быть, провокативность отдельных тезисов была такова, что сейчас последуют довольно нелицеприятные вопросы, а может быть, и нет. [**Е. Сатановский:** «Так и ответы будут не более лицеприятны».]

Первую часть нашего многостороннего диалога мы посвятим вопросам к докладчикам. Прошу, задавая их, не пускаться в рассуждения и не излагать тезисы развёрнуто. Сначала вопросы, а затем всем будет дана возможность высказываться, спорить, отстаивать точки зрения. Пожалуйста, вопросы.

В. Л. Макаров, *научный руководитель ЦЭМИ РАН, доктор физико-математических наук, академик РАН.*

У меня такой вопрос. Всех нас интересует, что будет с Ближним Востоком в ближайшем и далёком будущем. Если говорить о материальной части всего этого — материальная часть быстро меняется, развивается. Где-то газ добывается, где-то он заканчивается, то же самое с водой. Скажем, после войны Чечня преобразилась за короткое время. Это материальная часть быстро меняется. А духовная часть, как вы сказали, двадцати трёх и больше стран? Есть идеологический или духовный портрет граждан, которые там живут? Где-то убить неверного, голову отрубить — хорошо, где-то — нет. Где-то ты от жажды умираешь, но соседу последнюю чашку воды отдашь. Всё это составляет духовный портрет.

В. Л. Макаров

У меня, неспециалиста, представление такое, что материальный мир быстро меняется, и через десять лет мы увидим совсем другое. А духовный портрет стабилен. Коран остаётся Кораном, но его начинает по-разному интерпретировать.

Вопрос: духовная часть меняется или она останется неизменной ещё лет сто, как вы сказали?

В. А. Исаев

Спасибо, я попробую ответить. Прежде всего, если мы говорим о каких-то ресурсах, то говорить о том, что они кончаются, — бессмысленно. Дело в том, что меняются условия добычи и технологии. Обратите внимание: последние пятьдесят с лишним лет все кричат о том, что нефть и газ заканчиваются, и каждый раз открывают новые месторождения. Если раньше нефть брали условно с 500 метров, то сейчас берут с 3–4 километров, и ничего страшного. Раньше из-под воды на шельфе не догадывались её [нефть] брать, сейчас технологии достигли этого. О сланцевой нефти тоже никто не говорил, сейчас о ней стали говорить. Должен сказать, по поводу сланцевой нефти тоже много спекуляций. На сегодняшний день добыча Соединённых Штатов

достигла четырнадцати с лишним миллионов баррелей в сутки. Но дело в том, что пока стоимость добычи такой нефти составляет от 40 до 50 долларов за баррель, к тому же то единственное, что можно сделать с этой нефтью, — сжечь на ТЭС, так как для добычи одной тонны сланцевой нефти необходимо использовать 326 литров различного рода химикатов. Технологии нефтехимии пока не позволяют дойти до такой глубокой очистки.

Теперь насчёт духовности. Может, я скажу сейчас вещи, которые не понравятся многим из присутствующих: любые религии не вечны. Они рождаются, взрослеют, умирают. Где великие египетские боги, перед которыми трепетал весь Древний мир? Кто-нибудь им сейчас молится, кстати, среди вас случайно нет поклонников Зевса или Ваала? Ислам родился на шесть с лишним веков позже христианства. Если мы сейчас отмотаем 600 лет — посмотрите, что было в Европе. Вам не напомнить о крестовых походах, религиозных войнах со всеми их ужасами? Со временем, может, это и сгладится. Вопрос толкования священных текстов: они священны, их тронуть нельзя, а толкуют по-разному. Коран, например, имеют право читать только по-арабски, когда человек поймёт, как говорится, всю глубинную суть этого произведения.

Насчёт «верного» и «неверного». К сожалению, большинство мусульман не знакомы с работами многих богословов в том же самом мусульманском мире, потому что Коран создавался чисто механистически от простого к сложному. Взяли самую короткую суру и дальше начали их выстраивать в Коране по величине, а не по логике. У Дмитрия Фролова на эту тему есть достаточно серьёзные работы.

Коран распадается на две составные части — мекканскую и мединскую. Медина — город-праматерь всех городов, как называют это арабы, в котором проживал Мухаммед до того, как он завоевал Мекку. Когда он завоевал Мекку, начинается новый этап его проповеди, который назван уже мекканским. Дело в том, что со временем слова меняют значение. Слово «неверный» имеет в арабском языке ещё одно значение: «идолопоклонник». Поэтому, с одной стороны, в Коране встречается, что люди книги, люди писания, то есть иудеи, христиане и мусульмане, — они равны, они достойны. С определёнными вычетами: если они хотят жить и исповедовать свою религию, то должны заплатить определённый подушевой налог, который тоже очень чётко прописан. И могут спокойно исповедовать свою веру, их никто не трогает. С другой стороны, «встретишь неверного — ударь его мечом по шее». Дело в том, что как раз в этот момент войска Мухаммеда стояли под Меккой, которой владели идолопоклонники, и под словом «неверный» подразумевались идолопоклонники.

Я в Библии найду вам много таких противоречий. Приведу такой пример из Библии. «Я, — говорит Пётр, краеугольный камень церкви, — оставляю церковь на Иакова, брата Христа». Только не надо говорить, что он имел в виду брата во Христе, в Библии этого не сказано, и толкуйте, как хотите. Это брат Христа. Родной, двоюродный, пятиюродный? В те времена оставляли такие вещи очень близкому человеку из своей семьи, из своего клана. Можно спорить до хрипоты, и не придём ни к какому выводу.

Е. Я. Сатановский

Скажу коротко как человек, который ходил на могилы семьи Христа, где был как раз тот самый брат в том числе. Христиан туда стараются не пускать, чтобы резни не началось, но это было открыто ещё в 60-е годы.

Смотрите, прогресс не только к горним высям духовности ведёт. Вот у нас церковь — духовность, значит, возрождается? Возрождается. Ну и пойдите епископам объясните, что это не хасиды царя убили, голову отрезали и год держали забальзамированной на столе у Ленина, а я посмотрю, как они поверят вам. Тема уже пошла в народ.

В исламском мире европеизация закончилась — ни к чему хорошему не привело. Идёт возрождение местных традиций. Возрождение местных традиций мы видим сегодня тогда, когда происходит миграционный джихад в Европу, в первую очередь. Идут люди с чистой африканской племенной ментальностью. По сравнению с арабами, у африканцев вообще всё грустно с ментальностью, когда женщина — это нормальная добыча: а чего с ней ещё делать, кроме как использовать по прямому назначению? Мы почему-то начинаем задавать вопрос, почему под Рождество и Новый год полиция в Германии не регистрирует совершенно жуткий харрасмент? Потому что. Дальше идёт тема: вам голову отрезать методом «нахр» (перерезая сначала горло) или каким-то другим способом?

И места исламской цивилизации в старые времена места — Сирия, Ирак — дичают, впадают в абсолютное Средневековье. А то, что у людей может быть европейский костюм и автомат Калашникова, а то и ракетная установка, — это вообще ничего не значит. Это вопрос о том, чего нам ждать от этой духовности. А потом придёт Африка и, как говорил актёр Борис Андреев, тот, кто останется живым, позавидует мёртвым.

А. С. Горелик

Спасибо за оптимистичный прогноз. Какие ещё вопросы?

М. И. Москвин-Тарханов, *советник-наставник мэра г. Москвы, заместитель председателя Общественной палаты г. Москвы.*

У меня вопрос к обоим докладчикам. Ближний Восток хорошо описан: богатейшие страны с некоторыми сибаритскими порядками, тут же очень бедные люди с автоматами, живущие в кишлаках. Это вообще само по себе условие взрыва гражданской войны, как бы динамит. И во всё это входит Иран, о котором ни слова не было сказано. Не кажется ли, что вся эта комбинация сейчас превратится в огромный новый передел?

Е. Я. Сатановский

Мало ли о чём мы не говорили, мы и про Турцию не говорили, мы же про арабов в основном говорили. А персы, — только Борис Николаевич Ельцин искренне

М. И. Москвин-Тарханов

полагал, что персы и арабы — это одно и то же, и потряс иранского посла на вручении верительных грамот тем, что никак не понимает: одна ведь нация — что же они там всё ещё воюют?

Когда мы говорим об Иране, мы говорим о регионе, у которого своя цивилизация. Персы не арабы, и арабами никогда не были, никогда ими не будут, относятся к ним с глубоким презрением вне зависимости от уровня доходов, и имеют свой интерес. Интерес этот вполне имперский. Наш персидский проект сегодня закончился. Их — это сначала экспорт исламской революции, а сегодня начался большой персидский проект, опирающийся в первую очередь на шиитов. На все родственные группы типа зейдитов или близкие, типа ливанской Хизбаллы, но в первую очередь на воензированные группировки в Ираке и Афганистане. Ну, империя и империя.

Передел какой? Они собираются себе Ирак присоединять? Нет, правительство Ирака и без того шиитское, американцы этого добились с идиотизмом, свойственным людям, желающим чего-нибудь хорошего, но получается всё наоборот. Потому что не надо было слушать всякие глупости, а надо было страноведением заниматься. Шиитские милиции интегрированы только что в иракскую армию. Идите

покомандуйте иракской армией без Касема Сулеймани, его Корпуса стражей исламской революции. Ливан: Хизбалла — основная сила, военная, политическая. Даже в Сирии — мы там остановили процесс превращения армии в некоторую сирийскую Хизбаллу и армия там осталась, что иранцев страшно раздражает, но определённое очень серьёзное влияние у них есть.

В Иране — там не с переделом проблема, там проблема с надвигающейся (боюсь, что скоро начнётся) ирано-израильской войной. Потому что, к сожалению, в центре иранской идеологии — это то, что Израиль не нужен и надо бы его уничтожить. Я много раз говорил на эту тему и с израильским руководством, и с иранским. Тупик, потому что иначе, как говорят персы, надо объяснять, зачем была нужна ирано-иракская война: миллион погибших, сплошное разорение! А шах чем был плох? Единственное объяснение, что поддерживал отношения с Израилем, за это его и убрали. А если уйти от этой идеологии, тогда не объяснишь. Либералы и западники, говорил мне позапрошлый иранский посол в России, за нас всё равно не будут, а консерваторы нас снесут. А мы не хотим на эту помойку истории идти вслед за шахом.

Люди укрепляют свои позиции в Сирии и Ливане, потому что уже идёт большая драка внутри Ирана. Неслучайно рахбар — верховный аятолла, который там генсека заменяет, запретил Корпусу стражей исламской революции (КСИР) заниматься бизнесом, а это многомиллиардные контракты. Это поставки всего на свете, потому что контрсанкционная политика Ирана — это обход экономики через КСИР. Кроме как провоцируя нагнетание обстановки, эти люди никак не могут добиться сохранения своих позиций рядом с президентской командой Роухани. А Израиль такая странная страна, она тоже жить хочет. Поэтому идея, что на Израиль одной бомбы хватит, совершенно не вызывает ответного позитива ни у моего доброго знакомого, министра обороны Либермана, ни у кого другого в государстве Израиль.

Может, удастся развести Иран и Израиль — вот это действительно задача. Хотя непонятно, как это делать. С Израилем — не проблема, с Ираном — вообще непонятно как. Значит, «будем посмотреть». Ждёт ли нас эта большая война — увидим.

В. А. Исаев

Я добавлю. Пока всё-таки, слава Богу, дело не идёт к войне между Израилем и Ираном, а вот между Ираном и Саудовской Аравией — да. Потому что саудовцы — их король носит официальное звание «хранитель двух священных мечетей», Мекка и Медина имеются в виду — считают следующее: всего лишь двадцать лет назад шииты стояли у руля в одном государстве, это был Иран. Теперь в Багдаде, древнейшей столице арабского региона, в Дамаске алавиты были признаны Ираном в качестве ветви шиитов.

Кстати, алавитов шииты долгое время считали еретиками. Что за мусульмане? Вино пьют, верят в переселение душ, христианские обряды соблюдают, — в общем, это особая статья. Йемен тоже одна из древнейших столиц арабского региона,

сейчас там хуситы-зейдиты — это шииты. Понимаете, они боятся этого распространения, поэтому они говорят о шиитской дуге и что надо её остановить. Почему вдруг Саудовская Аравия вмешалась в события в Йемене? Это одна из причин того, что это попытка так же остановить, как они говорят, иранское влияние. К тому же, это иранское влияние через Хизбаллу идёт в Ливан.

А. С. Горелик

Прошу, Владимир Валерьевич, ваш вопрос.

В. В. Кузнецов, директор Информационного центра ООН в г. Москве

Сейчас Организацию объединённых наций не ругает только ленивый, не скупятся на уничижительные слова. Где-то это, наверное, справедливо, потому что всё зависит от того, насколько эффективно или неэффективно действует ООН. Но иногда судят об ООН не по тому, как действуют структуры и аппарат ООН, а по тому, как ведут себя страны-члены, потому что ООН — это прежде всего организация стран-членов. Совбез — это всё в руках тех, кто там сидит, и секретариат туда не допущен.

Но я бы хотел отметить, как показывает практика, в ООН арабские страны при обсуждении документов борются за каждую запятую и ведут себя очень активно. Когда что-то случается, они стараются прибегать к инструментам ООН, апеллировать к документам ООН и так далее.

У меня в данном случае вопрос к Евгению Яновичу, поскольку он более политический, чем экономический. ООН — это какой-то другой мир, с точки зрения арабского мира это виртуальная реальность, которая не имеет отношения к живой жизни, но которую можно использовать как какую-то картинку? Или всё-таки здесь есть какая-то определённая роль, задача, которая для арабских стран важна?

Е. Я. Сатановский

Вы знаете, у меня бывшие студенты работают в Организации Объединённых Наций. И довольно много сотрудников ООН, российских и нероссийских, на протяжении большого количества лет мне хорошо знакомы. С арабской точки зрения ООН есть некий инструмент, который очень полезен, например, для делигитимации Израиля.

Если посмотреть на количество различных решений ООН, резолюций в ЮНЕСКО... Да что мы про Совбез и про страны! Давайте посмотрим на чиновников, на ЮНЕСКО при Боковой [предшествующий генеральный директор ЮНЕСКО]. Я боюсь, госпоже Азуле [Одри Азуле, генеральный директор ЮНЕСКО в н.в.] работать, не переработать, пока это организация не перестанет быть тем, чем она сегодня является. Щадя слух присутствующих здесь дам, я не буду говорить, чем она [организация] сегодня является для людей, которые смотрят на неё со стороны.

Совет по правам человека, который я перестал пускать к себе на порог, неважно, кто там и какие государства представляют, — это инструмент, и его активно и весьма

В. В. Кузнецов

эффективно используют. Начиная с Дурбанской конференции⁴, где больше не арабы, а иранцы играли,— вот уже совсем нацистского типа резолюция, знаменитая резолюция о том, что Иерусалим, Храмовая гора, Хеврон не имеют к евреям никакого отношения, это вообще памятники мусульманские, палестинские и прочих цивилизаций. Даже про христиан сгоряча забыли.

Это не только против Израиля, им [Советом] пользуются все. Не случайно ЮНЕСКО сняла наблюдение с объектов по Крыму, пока Крым не будет возвращён «законному правообладателю», государству Украина. То, что у нас наши дипломаты часто преследуют личные и ведомственные интересы,— чаще личные, чем государственные,— приводит к отсутствию реакции на такого рода безобразия. Израильтяне на это реагируют. Поэтому Америка и Израиль объявили ЮНЕСКО, что они оттуда пошли вон, делать с этой организацией ничего не хотят, и двадцать два процента своего бюджета ЮНЕСКО может искать где хочет.

⁴ Всемирная конференция ООН по борьбе с расизмом (англ. *World Conference Against Racism; WCAR*), также известная как «Дурбан II» (англ. *Durban II*) — конференция прошедшая с 20 по 24 апреля 2009 года в штабе-квартире ООН в Женеве.

В палестинской теме это вечная дойная корова: через ООН проходят миллиарды долларов каждый год, я пробивал в своё время эту статистику. За всё время существования Комитета по делам беженцев единственная отдельная структура ООН по делам беженцев — БАПОР⁵, которая занимается палестинцами, они беженцы «первого сорта». Я сравнивал бюджеты, программы, всё остальное, — развожу раками... То, что я вижу в ООН, — теоретические какие-то вещи были прописаны в начале, когда Громыко этим занимался. Сегодня это некая мафия, как показывает в том числе и наша сирийская кампания. Я очень хорошо знаю, что происходило в Организации по химоружию, в Совете по правам человека и у Стефана де Мистура [спецпредставитель Генсека ООН по Сирии] с его ребятами. Мафия и мафия, продажные и продажные. Закажут евреев — и евреев обгадят с Израилем вместе, закажут Россию — ну, и Россию обгадят. У нас там влияния — никакого. То, что Лавров, проработавший лет двадцать, симпатизирует ООН, — понимаю, сочувствую, помочь ничем не могу.

Всё это рассыпается вдребезги довольно быстро. Когда надо, с ООН считаются, когда не надо, никто с ООН не считается. Нам давно пора взять пример с наших западных коллег. Но Владимир Владимирович такой человек, если он кому-то что-то обещал, — хоть тычинка вдребезги, хоть пестик пополам, он будет вести эту линию. Он сказал, что ООН — это «наше всё», как и международное право, — мы в эту стенку и долбимся головой. Ну, что называется, *nothing personal just business*, ребята. Ничего, кроме симпатии, к вам, работникам ООН, у меня нет, но жизнь такая.

В. А. Исаев

Я добавлю, с вашего позволения. Евгений Янович упоминал Ближневосточное агентство по делам беженцев, которое было создано в 1948 году после первой арабо-израильской войны, когда Израиль атаковали шесть арабских стран, не приняв решения Совета безопасности. Когда появились первые беженцы, в агентстве было пятьсот человек, в 2015 году их стало уже тридцать шесть тысяч!

А. С. Горелик

Для меня как бывшего ООНца просто «музыка» то, что я слышу сейчас от вас.

У нас идут замечательные комментарии, но в них не хватает отражения темы как она сформулирована: «Россия и Большой Ближний Восток». Нельзя ли побольше об этом? Мы сегодня слышали, что российские военные, российская разведка хорошо взаимодействуют с израильскими коллегами. О дипломатах ничего приличного сегодня сказано не было. Что касается экономического аспекта, я бы хотел услышать

⁵ БАПОР – Ближневосточное агентство ООН для помощи палестинским беженцам и организации работ.

ваш комментарий по поводу того, когда в Сирии произойдёт какое-то замирение, каковы шансы на то, что российская экономика и бизнес хоть что-то от этого получит? Пожалуйста.

В. А. Исаев

Тогда опять несколько цифр. Весь товарный оборот России с арабскими странами в 2016 году составил чуть более 14 миллиардов долларов. Это ничто. Давайте говорить честно, у нас с Китаем — за 80 миллиардов. Причём 90% этого товарооборота — это наш экспорт. Мы туда поставляем технику. Почему, вы скажете? Наша техника никуда не годиться, как нас долго приучали считать. Годится. Вы думаете, арабская домохозяйка будет использовать утюг Tefal, куда нужно дистиллированную воду наливать? Нет. Ей нужен утюг, который уронить можно, и он всё равно работать будет, тем более там частые перебои с электричеством. Поэтому наши товары туда идут самые разные, начиная с автомобилей, которые они обожают, сейчас гоняются за «Волгой», потому что это неубиваемое такси, как они считают. Вовсю идут УАЗики и прочее, поскольку проходимость высокая. Туда идёт техника и оборудование для всех объектов, которые строились ещё во времена СССР.

В одной только Сирии нами построено больше ста объектов, в Ираке, Египте больше ста, в Алжире под сто. Там есть что обслуживать. Идут запчасти, компоненты, оборудования. И там уже выросли поколения, которые говорят не на английском, они по-русски говорят. Это примерно то же, почему наши сумели свои позиции отстоять в Ираке, а американцы — нет, хотя вроде бы они захватили в 2003 году Ирак и начали всем распоряжаться. Просто-напросто кадры привыкли работать на российском оборудовании и говорили все по-русски. Переучивать их себе дороже, лучше отдать в субподряд тому же Лукойлу и прочее.

Что там ещё из нового идёт? Оружие — это особая статья, я её отодвигаю в сторону. Подписаны контракты на тринадцать атомных электростанций. Это серьёзные проекты. Ещё у нас очень много проектов, связанных с космосом. Мы запускаем их спутники, запускаем спутники для них.

Что касается импорта, мы ввозим в основном различного рода фрукты и овощи, которых нам не хватает иногда, иногда ввозим какие-то товары, как это было из Сирии, правда, это сейчас прекращено. Процентом восемьдесят шоколада в России до 2011 года производилось из сирийского шоколада; точно так же как 90% штор, которые вы считали итальянскими, шли из Сирии. И по сей день идут из Сирии под видом итальянских, потому что дизайн поставляют итальянцы.

Например, Марокко с удовольствием поставляет нам «французские» дублёнки, сшитые в Марокко по французским лекалам. Дешёвая рабочая сила. Дешевле, чем во Франции. Во Франции разве что какой-нибудь Dior может сконструировать рубашку или платье и продать за бешеные деньги, а дальше начинается копирование. Французская промышленность с ливонскими ткачами давным-давно померла.

Во-первых, Китай перехватил, во-вторых, и у арабов тоже ткацкая промышленность стоит на достаточно высоком уровне.

Мы ещё туда поставляем дерево, оно там на вес золота, бумагу. Достаточно широкий круг товаров. Но арабы выражают недовольство несбалансированностью торговли. Экспорт на 90% наш. Конечно, от страны к стране, с некоторыми у нас баланс соблюдается, но в основном — нет. Я уж не говорю о туризме в ОАЭ или Египет.

Е. Я. Сатановский

Всё равно ничего весёлого не скажу. У нас как-то принято было всю жизнь в советские времена, когда была идеология и приятственные ощущения, что вот на карте страна с соцориентацией — значит, она вроде как наша и мы их «сделали». Кто бы мне сейчас что-то сказал хотя бы об одной стране с соцориентацией в мире! У нас даже Йемен был членом СЭВа. Мы туда поставили два траулера, охлаждающихся заборной водой из Балтики, поэтому там рыба тухла, потому что заборная вода в Балтийское море и в Аденском заливе разной температуры. И была поставлена через СССР фабрика по производству резиновых тапочек. В каждой диссертации йеменских студентов присутствовали эти два траулера и фабрика по производству резиновых тапочек.

Хотите экономики? Хорошо. Йемен — один из основных центров контрабандного оружия, это большой бизнес. Один мой хороший знакомый, и ваш тоже, большой профессор, даже немного академик, бывший директор одного института, который он, правда загорбил, имел к бывшему президенту Йемена, ныне покойному, такое непосредственное отношение, что квартиры себе за полтора миллиона долларов в Москве покупал. Хороший бизнес? Конечно, хороший. Теперь белорусское и украинское оружие идёт через Йемен частично на Африку, частично на местную войну, но тем не менее связи остались.

Нефть. У нас же Газпромнефть, Лукойл и Роснефть, с удивительной непосредственностью пришедшие в Курдистан, прямо когда Курдистан провалил свой референдум и сдал Киркук [город на севере Ирака] Багдаду, и теперь приходится выкруливаться, чтобы не потерять позиции. Но они там большие игроки. Как говорили в моём древнем народе, «а гроссе пурицы». Проблема состоит в том, зачем это России? Это отдельный вопрос, так же как в проекты Роснефти в Венесуэле и во многих других местах. Съездило начальство, договорилось о чём-нибудь большом, ему это приятно, а на кой чёрт это экономике страны, — это большой отдельный вопрос, но задавать его себе дороже. Ну, не исключено, что если Халифа Хафтар [главнокомандующий вооружёнными силами Ливии] на базе нашего оружия через Эмираты и Египет на западе Ливии отобьёт сейчас нефтяные терминалы вокруг Бенгази, то будет возможность итальянцам и французам в случае чего показать на ливийской нефти большую козу. И это уже геополитика.

Почему я говорил об армии и спецназе в первую очередь? Потому что у нас пирамида сильно сместилась. У нас много лет считалось, что дипломатия — молодец, она номер один. А выясняется, что без опоры на военных ничего она не стоит, как мы видим по количеству и качеству растущих санкций в отношении РФ.

Но есть очень хорошие специалисты, которые действительно много чего делают. Специалистов по арабскому востоку у нас до черта — институтов, людей, переводчиков. Они должны рассказывать начальству, что там истоки немислимых инвестиций и эти инвестиции к нам придут. На самом деле они никогда не придут в российскую экономику. Какой дурак будет инвестиции вкладывать не в Британию, континентальную Европу или Америку, а к нам, если только это ему зачем-то до зарезу не надо. Например, поморочить нашему начальству голову, чтобы чего-нибудь с ним не произошло, если он очень испугался на тему Сирии. Но информационная война идёт, рассказы для нас идут потоком, вокруг все кружат, мы на эту тему проекты отработываем.

Вы хотели от меня экономики? Сейчас получите экономику. Давайте от арабов уйдём к атомным проектам в Турции. АЭС «Аккую». Я не говорю о том, что она больше восьми миллиардов не стоит, а построят её за двадцать. Это отдельная тема, не с нас началось, не с нами закончится. Когда мы, Россия, включая наших детей, внуков и правнуков, получим эти деньги обратно, я про прибыль не говорю? Правильный ответ: никогда!

А зачем это нужно? Во-первых, начальству приятно. Во-вторых, если начальство, а оно своё слово держит, сказало, что построим, — мы хоть сдохнем, но построим. Разорим свою экономику, но соседу построим. В советские времена это было. Поэтому насчёт арабского Востока, — отдельно взятые ребята, чтобы украсть чего-нибудь и уехать подальше, купить какой-нибудь фосфат в Марокко или влезть в какую-нибудь нефтяную аферу в Ираке, — это правильные пчелы, они делают правильный мёд. Нужно ли это нам как стране? Да даже продажа оружия никому не нужна, если вы его продаёте в кредит. А мы будем продавать в кредит. И атомные станции будем строить в кредит.

Всё понятно? Всё понятно. Такая экономика не бывает экономной. Ну, какая есть...

В. А. Исаев

Всё-таки я добавлю: экономика иногда бывает экономной. Недаром были все эти визиты, например, того же шейха Катара сюда. Вы наверняка слышали из нашей прессы, как «мерзкий Катар» отбивает у России целые рынки газа, особенно в Польше, в странах Балтии, поставляет туда свой сжиженный газ. И вопли были со стороны средств массовой информации, как это невыгодно для тех же самых поляков или балтийцев и как они у нас тем самым отнимают сбыт. Ребята, это наш газ, он идёт с Ямала. А Катар поставляет свой сжиженный газ в счёт наших поставок в Китай. Плечо перевозок — на этом мы экономим.

А. С. Горелик

Спасибо большое, очень увлекательно. У нас действительно сегодня очень знающие предмет докладчики.

Е. В. Устюжанина

Е. Я. Сатановский

И оптимистичные.

А. С. Горелик

Да, на удивление. Ещё два вопроса, и перейдём к обсуждению. Хочется дать возможность высказаться участникам обсуждения. Прошу, Елена Владимировна.

Е. В. Устюжанина, профессор, заведующая кафедрой экономической теории РЭУ имени Г. В. Плеханова

Я хотела бы немного вернуться к вопросу Валерия Леонидовича [Макарова]. Не потому, что он мой начальник и академик, а потому что, мне кажется, его не до конца поняли. Я попробую сформулировать несколько иначе. Вернее так: у меня один вопрос в продолжение, а другой самостоятельный.

Понятно, что священное право частной собственности священно ровно до того момента, пока это выгодно тем, кто определяет правила игры. Поэтому речь идёт об изменении контроля над ресурсами, связанным не с тем, что что-то там исчерпается,

а с тем, что просто кому-то станет понятно, что слишком много силы даёт нахождение газа или нефти в этой земле. И закончатся эти игры, что мы признаёмся уже, с европейской и американской точек зрения, — как по Вашему, есть ли такая перспектива? Потому что в Европе и Соединённых Штатах она регулярно происходила. Я напому слова классика о том, что самый эффективный способ приобретения права собственности — это грабёж.

Второй вопрос ближе к Израилю. Сейчас есть в экономике такое понятие «smile face» — что основную выгоду в любой цепочке получают либо те, кто находятся в начале этой цепочки, либо те, кто контролируют рынок. В этом смысле скажите мне, пожалуйста, Евгений Янович, есть ли хоть какие-нибудь перспективы у Израиля?

Е. Я. Сатановский

Ну, таки да! Понимает, в чём дело, когда вы живёте отдельно от холерного барака, то там может происходить разное — чума, холера. Вы не имеете этого счастья, и в этом ваша перспектива. Израильская экономика не завязана на Ближний Восток, она отделена от Ближнего Востока. Более того, я двадцать лет рассказывал своим студентам, что Моисей водил евреев по пустыне сорок лет, чтобы найти единственное место на Ближнем Востоке, где нет нефти и газа. Потом в Израиле на шельфе обнаружили огромные запасы газа, там дальше есть нефть и сланцевая нефть. И всё про интеграцию в Ближний Восток потеряло актуальность, потому что есть сегодня свои запасы, которых, если что, хватит надолго со своими энергоресурсами.

Израиль — это отдельная экономика, это экономика hi-tech, занимающаяся чем угодно, кроме того, чтобы выкопать сырьё и продать его. При том что там существует горнорудная промышленность, фосфаты и много чего другого. Но в целом это постиндустриальная экономика. Более того, по количеству высокотехнологичных стартапов Израиль — сверхдержава, по абсолютному количеству вторая в мире после Соединённых Штатов. А дальше с большим отрывом идёт вся остальная Европа.

Конечно, космические исследования Израиля специфичны, им приходится запускать ракеты против вращения Земли на Средиземное море, чтобы каждый раз не нервировать соседей тем, что какая-то ракета полетела с космодрома Пальмахим. Там с технологиями всё хорошо. Это на моих глазах развилось за последние двадцать лет и связано в первую очередь с большой русской алиёй [репатриация в Израиль], как это называют, то есть с притоком высокообразованных мозгов с территории бывшего СССР. И это наряду с абсолютно диковинным населением ортодоксальных кварталов или арабских кварталов, что примерно 25% населения, которое весьма мало вносит в израильский ВВП что-то полезного.

Но всё-таки удаётся развивать это по нарастающей. Даже последние войны Израиль проводит без падения экономики, начиная со второй ливанской войны. Более того, с учётом военного технологического превосходства над соседями, принято уже и в арабском мире, что никто Израиль не любит, но избавиться невозможно и уничтожить невозможно, а что теперь делать! Это я ответил на второй вопрос.

Что касается первого вопроса — увидим. Никакого оптимизма по поводу всего остального вокруг у меня нет. Потому что есть государства, которые развиваются по хорошей технологической схеме — это, безусловно, Турция, Иран. Да, в малых монархиях Персидского залива диверсификация как-то приводит к тому, что куда как симпатичнее, чем доклады нашего правительства. Последний раз Медведева слушал, прямо так радовался нашим успехам, возможно потому, что они тоже воруют сами у себя, но мало, несопоставимо с тем, как умудряются у нас.

Однако в целом ситуация катастрофическая, когда на Аравийском полуострове у нас есть Йемен, где нет воды и порядка 1.300.000 человек инфицированы холерой. И всё что можно санитарного, технологического там разбомбили саудовцы в своих дурацких интересах. Эта бомба может взорвать полуостров, потому что уровень ненависти, мягко говоря, высок и количество стволов на душу населения — тоже.

Может ли у меня быть социалистического типа оптимизм в отношении прогресса человечества? Нет у меня такого оптимизма. Может, они каждый в своей стране куда-нибудь да выгребут, куда — мы не знаем. Как это обойдётся с Европой, мы не знаем. Европейское население стареет и замещается ровнёхонько арабами, афганцами и африканцами, которые совершенно не собираются остановиться европейцами.

Кончится это плохо. Я боюсь, что даже при нашем поколении нам Европы будет не хватать, наверное. К нам они [мигранты] не едут, учитывая общий уровень нашего внутреннего озверения и то, что пособие не платят. В данном случае это пока спасает.

Оптимизму-то во мне откуда взяться? Мы же говорим с вами не о том, какие перспективы у партии Единая Россия, которая заставляет меня быть счастливым просто от одного взгляда на благосостояние этих ребят за последние годы. Посмотрите, как у сенаторов, правительства и всех остальных резко увеличилось благосостояние. Мне нравится, когда у человека доход 128% годовых. Хорошие ребята, работают, страна их замечает.

С. В. Егоров, *главный научный сотрудник ИНИОН, доктор физико-математических наук, профессор*

Мой вопрос, скорее дилетантский, к Евгению Яновичу. Какова роль курдов, какова перспектива создания государства, и что делать с этим фрагментом «гордиева узла», в том числе в наших интересах?

Е. Я. Сатановский

Да нет у нас там интересов, у нас лет двести интерес состоит в том, чтобы курды были головной болью и, пардон, геморроем для всех, кто там сидит, от Османской Порты до сегодняшнего Эрдогана. Они выполняют эту функцию с успехом. Никакого государства там не будет. У евреев государство возникло не потому, что Лига Наций его евреям обещала. Она и курдам обещала. Евреи захотели и смогли, а курды — нет.

С. В. Егоров

Курды, может быть, и за, но они живут племенами, грызутся друг с другом, стреляют друг в друга. Те же три сирийских анклава никак не сложились в единый Курдистан. Да и в Ираке не сложились, хоть посмотрите на кланы: Талибани, Барзани [лидер Демократической партии Курдистана], ещё есть курды-езиды в Синджаре, — с чего бы они сложили что-то устойчивое. Даже в условиях, когда на протяжении десятилетий шло единое финансирование, американское, невежливо скажем, крышевание.

Есть ещё иранские курды, турецкие — там вообще гражданская война внутри Турции. Когда мы говорим о Курдистане — это как политическое будущее палестинского государства. Пока эти ребята могут и демонстрируют возможность убивать друг друга, единственная возможность — сплотиться против турок. И то не получается, потому что, например, клан Барзани в Ираке замечательно с Эрдоганом договорились на тему контрабанды нефти. Что ж тут нелицеприятного, как есть!

В этом мире порядка восьми с лишним тысяч языков, не диалектов, а именно языков. А государств — 193 плюс одна полукалека, несчастная Палестина, которая государством не является, но все страшно хотят признать её таким, какое есть, и пусть будет 194. У курдов, которые говорят на разных языках с разными

алфавитами,— заставьте вы их договориться между собой, они часто не понимают друг друга! Племенное сознание.

И скажу последнее, позитивное: не потому что они такие плохие. И у евреев так тоже было: племенное сознание, вся Библия написана про внутриеврейскую резню и непрерывные войны. Вот попридержали там немного ситуацию Саул, Давид, Соломон; закончилось — начали убивать друг друга. Если бы не римляне, которые выбили евреев с места исходной дислокации, и это самое племенное сознание за пару тысяч лет в диаспоре умерло, было бы, как у палестинцев и курдов. И не сложишь ты это никак, потому что если человек понимает, что это его холм,— вот пошёл ты вон оттуда! А если ты ещё из-за той горы, из Ирака, так вообще...

Были попытки объединить — ничего не получилось. Карма такая.

В. П. Мазурик, *доцент кафедры японской филологии ИСАА (МГУ имени М. В. Ломоносова)*

У меня первый вопрос связан тоже с курдами, но не в плане курдского государства, а несколько другой. Никто не отрицает важность курдского фактора на Ближнем Востоке. Но до сих пор курды являются джокером в политическом покере. Они тактически используются то против одной страны, то против другой. Есть ли у нас в России попытка задуматься, хотя бы чисто гипотетически, о каких-то сценариях на будущее? Я бы хотел, чтобы наши докладчики хотя бы предположительно дали оценку уровню нашего стратегического планирования.

В связи с этим ещё один конкретный пример. Мы строим атомный реактор в Турции, в ужасно нестабильной зоне, где гражданская война обеспечена на ближайшее десятилетие. На что мы рассчитываем? Есть у нас государственная аналитика, которая идёт дальше двух-трёх лет?

В. А. Исаев

То, что курдов используют как джокеров, так было и, к сожалению, будет. Когда мы рассматриваем вообще весь этот большой регион, то в своё время ныне покойный свергнутый полковником Насером король Египта Фарук сказал: «Запомните, что в районе Ближнего Востока есть только одно государство — это Египет, а остальные — племена под национальными флагами». Это действительно так, поэтому говорить, как и что с ними планировать... Я бы не сказал, что мы вообще очень хорошо планируем экономическое сотрудничество, у нас и в советские времена сил не хватало на это. Хотя в те времена примерно был такой же объём экономического сотрудничества — 10–12 миллиардов долларов в 1991 году, на этом мы закончили.

Беда заключается в том, что, несмотря на большое число учебных заведений у нас, где обучают Востоку в том числе, мы этого Востока по сей день не знаем. Так же как и они нас. Всё происходит достаточно спорадически или по старой

В. П. Мазурик

имперской привычке мы верим только государственному сектору в этих странах. Мы с частниками не хотим иметь дела. Так же как арабский частник не хочет иметь дело с нашим бизнесом, у которого за рубежом не самое лучшее реноме.

После распада СССР многие пытались наладить бизнес-связи с обеих сторон. Но обманули друг друга. Я не говорю, что только мы обманывали, это был двусторонний процесс в те беспокойные годы. Это наложило очень серьёзный отпечаток. Очень серьёзный, поэтому нам вообще не приходится говорить о привлечении мелкого и среднего бизнеса. Отказываются, они не верят нам. Так же как и мы им, они нам тоже много чего предлагают. А по линии государственного сектора с его достаточно серьёзной бюрократической системой — особенно там, потому что «это племена под национальными флагами», система патернализма, — если мы с вами, Виктор, приедем в Сирию и придём в Министерство транспортного машиностроения к заместителю министра, моему бывшему аспиранту, и вы ему предложите великолепный контракт, а я — на гораздо худших условиях, контракт он подпишет со мной, а не с вами. Он вас не знает и поэтому вам не верит. А меня он знает и со мной он подпишет. Вот в чём загвоздка.

На такой хрупкой основе строить очень серьёзные долгосрочные отношения крайне сложно. Сегодня он заместитель министра, а завтра он попал под бомбу или машины рядом взорвалась. Кто будет выполнять его обязательства? Его клан? Построить Асуанскую плотину — о! Это наше! Обустроить огромное нефтяное месторождение, тот же Лукойл в Ираке, — это наше! Военные контракты и только по государственной линии, остальное не ложится. Поэтому такие незначительные объёмы, о которых мы с вами говорили.

Е. Я. Сатановский

Хороший вопрос: есть ли у нас политическое, стратегическое планирование? Нету ни по одной линии и не будет. Кому, зачем и чего ради? Мы живём в период полуспада старой советской империи, выстраивания, если угодно, третьей Российской империи. Если считать первой империю Романовых, вторую — Сталина до конца СССР, и третью — ту систему в экономике и политике, которая у нас нынешняя, во главе с Владимиром Владимировичем в качестве государя-императора (я здесь совершенно не утрирую). Частью станового хребта этой системы является классическая четырёхногая табуретка, которая стояла ещё в питерской мэрии, а потом, когда питерские распространились на Российскую Федерацию с примкнувшими к ним силовиками, то и на всю страну. Эта [табуретка] четыре опоры: болтовня, вранье, воровство и точное соблюдение демократической процедуры. Плюс личностный фактор. О каком стратегическом планировании вы сейчас говорите?

Попытка стратегического планирования, например, в развитии страны, кластеры развития страны были выстроены в Минрегионразвития. Но личные плохие отношения нашего премьер-министра Дмитрия Анатольевича Медведева, гения всех времён и народов, привели к тому, что это министерство было ликвидировано вместе со всеми своими проектами, некоторые из которых 4–5 лет спустя, после того как они были написаны, удаётся реанимировать через ведомство Шойгу, потому что там теперь реализуются Каспийский военный кластер, кое-что на Курилах и так далее.

Тут ещё личностный фактор. Есть бобёр, как я частенько шучу грустно, он грызун и крыса грызун. Крысы ничуть не менее, а даже более высокоорганизованное животное, чем бобры. Но бобры строят, а задача крысы — жрать сыр и в нём же гадить, а не развивать сыроваренную промышленность и молочное животноводство. В этом плане у нас сегодня долгосрочка не работает. Она не работает в бизнесе. Посмотрите на последствия того, как сейчас закрывают Телеграмм, а заодно уже и Google, и Amazon, и чёрта, и дьявола, и трава потом не расти! Какие последствия? Да какие угодно последствия! О каком стратегическом планировании вы говорите?

Огромная доля наших проблем с нашими западными коллегами — это то, как мы выглядим в этом зеркале. Когда на нас помотришь, оценишь уровень. Недобитая Академия наук, над которой стоит ФАНО. И рядом стоящий Курчатник, который, по моему, по масштабам финансов оседлал Академию, как бык овцу. И вечная реформа

образования, которая десятилетиями перемалывает всё на свете, приходя к почти религиозной цифре 8 триллионов рублей, которую сейчас каждый называет. То сейчас Вышка нарисовала 8 триллионов, то Чубайс. У меня складывается такое ощущение, что это некая сумма денег, которую люди понимают, что можно высосать из начальства, главное говорить: «Дай их мне, дай их мне!» А вы про стратегическое планирование. Может ли оно возникнуть? Может быть. В этом плане Сирия что дала? Она дала планирование хотя бы тактическое, хотя бы на 2–3–4 года. Вчера Шойгу рассказывал, как он пришёл после Сердюкова на армию и получил то, что получил. Вынужденно за что-то зацепился и начал тянуть какие-то ниточки, потому что мужик такой, привык. Здесь Сирия заставила работать над проектами, которые выполнять никто бы не заставил, в том числе международные политики, в том числе в балансе интересов и много в чём другом.

В чём её основная роль? Не в экономике. Как мы получим деньги обратно? Никак. Мы получили отсутствие войны с НАТО и даже гипотетическую её возможность убрали, запуск каких-то технологий. Но не в плане стратегического планирования. Чтобы иметь стратегическое планирование, надо иметь такую цель. А мы с помойками не можем разобраться в простой механике «Москва нагадила — в области переработали». О каком стратегическом планировании вы говорите?

А. С. Горелик

Спасибо большое. Это имеет прямое отношение к теме Большого Ближнего Востока. И я практически не шучу.

Итак, мы подводим черту. У нас есть 40 минут, чтобы обменяться впечатлениями, мнениями, высказать какие-то комментарии, договорить то, что не было пока выпущено подано. Пожалуйста — академик Полтерович!

В. М. Полтерович, *руководитель направления «Математическая экономика» ЦЭМИ РАН, заместитель директора ИШЭ МГУ, профессор, доктор экономических наук, академик РАН.*

Спасибо за интересные доклады. Но у меня осталось много вопросов. Пожалуй, я начну с экономической части. Меня удивило буквальное понимание термина «развивающаяся страна». Конечно, Соединённые Штаты тоже развиваются, но понятно, что термин «развивающаяся страна» — это эвфемизм. Существует классификация Международного валютного фонда, согласно которой есть развитые страны и развивающиеся. Понятно примерное различие. По моей оценке, если в стране ВВП на душу по паритету покупательной способности выше 50% от ВВП в Соединённых Штатах, то это развитая страна. Для Европы сейчас нижний уровень — Португалия, Греция. Россия числится в развивающихся, хотя по душевому ВВП близка к нижней границе развитых.

В этом отношении часть арабских стран являются исключениями. Хотя Катар и Кувейт должны быть причислены к развитым экономикам, но их таковыми не

В. М. Полтерович

считают прежде всего потому, что они ориентированы исключительно, или почти исключительно, на добычу природных ресурсов.

Почему это плохо? При чрезмерной ориентации на добычу нефти и газа экономический рост в стране определяется ценами мирового рынка и потому неустойчив. Верно, что прогнозы о резком сокращении спроса на углеводороды делаются уже давно и пока не оправдываются. Но, с другой стороны, ясно, что рано или поздно эпоха высоких цен на нефть и газ закончится. Это понимают и арабские страны. Например, Саудовская Аравия, где имеется жёсткая централизованная система планирования для государственных фирм и индикативное планирование — для частных, ставит задачу диверсификации производства и уже добилась значительных успехов. Там быстро развиваются нефтепереработка и нефтехимия.

Примеры стран, которые страдали из-за «ресурсного проклятия», хорошо известны. В начале XX века Аргентина по уровню душевого ВВП входила в десятку богатейших стран, но источником её экономического процветания был экспорт низкотехнологичной сельскохозяйственной продукции. После падения мировых цен на зерно и мясо Аргентина стала отставать от европейских экономик и сейчас числится в списке

развивающихся стран. Аналогично в начале XX века душевой доход Чили был выше финского и норвежского, а сейчас меньше примерно в два раза. Отставание во многом явилось результатом недиверсифицированной экономики. Для России, как и для ряда стран Ближнего Востока, задача диверсификации является первоочередной.

Теперь отойдём от экономической темы. Меня удивило утверждение, согласно которому вестернизация в арабском мире закончилась. Для меня это странно, потому что, как было сказано в докладах, в арабских странах образование даётся всем желающим за государственный счёт, и уровень образования растёт. Массу людей посылают учиться в западные университеты. Я себе плохо представляю страну с высоким по западным стандартам уровнем образования, в которой отсутствует тенденция к вестернизации. Я думаю, мало кто мог предположить до Второй мировой войны, что Япония пойдёт по пути вестернизации.

Другой пример — Китай, который не развивался сто лет до реформы 1979 года. Сколько было высказываний относительно того, что конфуцианство несовместимо с развитием! Более того, наблюдатели, сравнивая демократическую Индию, где элита владела английским языком, и коммунистический Китай, заключали, что первая имеет прекрасные перспективы развития, а второй — никаких. Сейчас ВВП на душу населения Китая (по паритету покупательной способности) более чем в два раза превышает душевой ВВП Индии.

В Иерусалимском университете я встречал арабов, которых трудно было отличить в беседах и дискуссиях от коллег-евреев. В Голландии меня поразило большое количество черных на улицах и в сфере обслуживания. Я спросил у коллеги, ощущает ли он трения между этой частью населения и коренными голландцами? Оказывается, нет. Конечно, когда иммиграция резко возрастает и большое количество эмигрантов концентрируется в отдельных регионах, неизбежно возникают сложности. За короткое время их не преодолеть. Но я не верю, что это абсолютная преграда для дальнейшего развития Европы.

Здесь в нескольких выступлениях прозвучали резко отрицательные оценки ООН. У меня есть опыт работы в ООН в качестве члена Комитета по политике развития. Ругать ООН можно и во многом — правильно, но всё-таки не так огульно. Я встречался с совершенно нормальными людьми. Я сам не обогатился, это была работа на общественных началах. Думаю, что люди, которые работали там со мной, тоже не стремились к обогащению. Эксперты стараются сделать мир лучше и безопаснее. Конечно, очень много формализма, исключительно много всяких глупостей. Но в целом я бы оценил эту деятельность как позитивную. Особенно, если сравнить мир, когда не было Лиги Наций, и мир сегодняшний, приходишь к заключению, что ООН вносит в целом позитивный вклад в развитие мирового сообщества.

По инициативе ООН сегодня 0,3% ВВП богатых стран идёт на помощь странам бедствующим. Это очень важно (хотя и явно недостаточно). Масса литературы

и споров по этому поводу; говорят, что помощь идёт не туда, что отчасти она распределяется в интересах развитых стран, что используется она элитой для собственного обогащения, и так далее. Но есть исследования, которые демонстрируют, что эта помощь в целом оказывает позитивное влияние на экономический рост в бедных странах.

И последнее, о чём я хотел бы сказать, — о развитии российского общества и о нашей политике на Ближнем Востоке. Нет времени приводить множество цифр, но ведь мы росли почти 10 лет, с 1999 по 2008 гг., темпом около 7% в год, и росли не только, как это принято считать, за счёт повышения цен на нефть. Есть исследования, показывающие, что 50% роста было обусловлено ценами на нефть, а ещё 50% — повышением производительности труда, правда, главным образом в сфере обслуживания, но и это не так плохо. И не только росли количественно, но и значительно продвинулись по пути общественного развития. Увеличился спрос на образование, возникли многочисленные бизнес-ассоциации и организации гражданского общества, появились уполномоченные по правам человека, по правам ребёнка, по правам предпринимателей, вырос поток туристов за границу и т.д. Не помню я, чтобы в советское время объявлялся в стране траур, когда где-то погибало сто человек. А у нас объявляется. Значит, возросла ценность человеческой жизни.

Мне кажется, что в основе нашей политики на Ближнем Востоке лежат главным образом соображения оборонного характера. Совмещение геополитических целей и целей догоняющего развития — очень трудная задача, ни одна страна «экономического чуда» такую задачу перед собой не ставила.

И, конечно, хотелось бы сосредоточиться на экономических проблемах. Мне трудно судить (я здесь совсем не специалист), в какой мере геополитика является предметом нашего выбора, а в какой сейчас уже диктуется внешними обстоятельствами.

А. С. Горелик

Спасибо большое за комментарий, Виктор Меерович.

Господин Воскресенский — пожалуйста!

А. Д. Воскресенский, директор Центра комплексного китаеведения и региональных проектов МГИМО (У) МИД России, профессор, доктор политических наук, Ph.D. (Манчестерский университет).

Я занимаюсь другим регионом, но я внимательно слушал и не мог сдержать восхищения эпитетами выступающих и мастерством, с помощью которого материал был до нас доведён. Пытаясь понять, что же общего можно выделить в этих двух великолепных докладах, я выстроил себе такую картину. В этих странах нет ничего общего, с ними можно строить только двусторонние отношения, они мало перспективны. Сделать мы ничего не можем, поэтому у нас нет стратегического планирования, но может быть, когда-то будет. И тогда у меня возникает два вопроса.

А. Д. Воскресенский

Первый вопрос: как учить тех, кто когда-то, может быть, будет заниматься упомянутым стратегическим планированием? Дискуссия на эту тему сейчас идёт очень активно, и в ответ на этот вопрос сейчас отвечают, что есть только страноведение, поэтому нужно изучать каждую конкретную страну и строить с ней двусторонние отношения, которые и будут частью внешнеэкономической или какой-то ещё внешней политики.

Второй вопрос: что делать? Из того, что я сегодня услышал в докладах, можно представить себе такую картину: раз торговли нет или она вся сопряжена с большой спецификой — значит, там не интересно что-либо делать, и делать, собственно, ничего и не нужно.

Как только я для себя извлёк из вышесказанного этот вывод, я вспомнил, что два года назад сюда приезжал всемирно известный американский профессор-аналитик Миршаймер [Джон Миршаймер, профессор Чикагского университета]. Он выступал у нас в университете и так получилось, что после его выступления развернулась оживлённая дискуссия. Он рассказывал, как он представляет роль США как мировой державы, и вдруг высказал такую эпатазирующую мысль: США, конечно, мировая держава, но на самом деле — региональная, потому что мировых держав нет. Мировые

державы потому и мировые, что доминируют в каких-то регионах. И перечислил: для США — это Латинская Америка, Ближний Восток и Восточная Азия. Интересно, как он обосновал необходимость доминирования на Ближнем Востоке. Он сказал, да, у нас [в Америке] сейчас сланцевая нефть, поэтому мы с Ближнего Востока, конечно, уйдём. Но там [на Ближнем Востоке] нефть будет покупать Китай, а Китай — поднимающаяся держава, неизвестно, чем закончится его подъём, поэтому нужно за развитием Китая следить и анализировать, что он будет делать на Ближнем Востоке.

И тогда у меня возникли следующие соображения. Ну вот возьмём, к примеру этот упомянутый профессором Миршаймером Китай. Когда я был маленький и ходил в университет, слушал умных профессоров, то эти умные профессора говорили, что есть страны, которые экономически растут, и те, которые не растут. Из так называемых «азиатских тигров» поднялась Япония и начал понемногу подниматься Сингапур. Но Сингапур — город-государство, бывшая колония, там практически нет никаких ресурсов и никто не думал, что Сингапур сможет реально подняться и поднять уровень жизни своего населения выше, чем в некоторых европейских странах, которые в то далёкое время, казалось, находятся на недосягаемых вершинах прогресса. Или Гонконг, Тайвань, Южная Корея и т.д. Но понемногу эти и многие другие страны стали подниматься, некоторые, или Республика Корея, сумели с нуля поднять высокотехнологичные отрасли. К восьмидесятым годам они начали развивать электронику и т.д. Но воспринималось это многими с недоверием: ну не смогут эти бедные, а некоторые ещё и маленькие страны создать высокотехнологичные отрасли экономики. А теперь там очень высокий уровень жизни. Но Китай — это другое дело, говорили многие в то время. Уж там-то точно ничего никогда не будет, потому что много народу, очень бедная страна, был долгий период жёсткого правления Мао Цзэдуна с его печально известными «большим скачком» и «культурной революцией». Ну, уж там-то подъём страны невозможен, ведь по всем экономическим законам в такой стране, как Китай, не может произойти фундаментальных экономических перемен, такая страна не сможет быстро развиваться и стать современной за короткий период времени. Но нет, сегодня это вторая экономика мира. Значит, дело не в специфике и не в невозможности преодолеть отсталость.

Я думаю, мир устроен так, что всегда появляются какие-то новые возможности, кто-то их умеет разглядеть и может ими воспользоваться. А кто-то говорит, что у стран нет ничего общего, все страны разные, «отдельные», нужно двусторонние отношения строить, а всё остальное мало перспективно, сделать ничего нельзя, нужно стратегическое планирование, но оно что-то никак не срабатывает. И вот уже надо учить новое поколение, а кроме развития двусторонних отношений с учётом страновой специфики, ничего в голову так и не приходит.

А. С. Горелик

Спасибо. Михаил Иванович, прошу вас!

М. И. Москвин-Тарханов

Дорогие коллеги, с удовольствием слушал замечательные доклады. Как человеку, в основном занимающемуся внутренними проблемами, тем более московским регионом, мне как-то даже страшно высказываться по обсуждаемой проблеме. Можно какие-то глупости наговорить, потом будет неудобно. Но поскольку Евгений Янович смело обсуждает проблему мусора в московском регионе, то и я тоже рискну поговорить о политике на Ближнем Востоке.

Когда я смотрю на карту, то у меня тоже шевелятся архетипические корни, как и у Евгения Яновича. Но у него корни древнего народа, у меня же корни сравнительно молодого народа, но народа, который привык в исторической ретроспективе последних трёх столетий крепко давать по шее туркам и персам. Регулярно, много и часто.

Когда я смотрю на карту Ближнего Востока, мне приятно вспомнить, что у нас есть Крым, Новороссийск, прочие военные гавани, стоящие там наши военные корабли, ракетные комплексы «Бастион» и прочее оружие на Чёрном море. И недалеко тут же второе важное место — это Каспийское море. Там тоже много всякого оборонительного и наступательного вооружения, создаётся мощная база в Каспийске. Так что, когда я думаю о Каспии, иногда кажется, что это приставленный пистолет, правда на хорошем предохранителе, к сердцу иранской державы. Мне это нравится. Чем больше будет там наших ракет, кораблей, в этом закрытом бассейне, куда серьёзный иностранный флот не подплывёт, никакого авианосца или подводного ракетносца США там не приходится ждать, — тем спокойнее, нежнее, культурные будут иранец, тем мягче и добрее будет турок.

Есть ещё третье место — это Израиль. Там святые места, там у многих родные живут, знакомые и друзья. Израиль обладает мощным военным потенциалом и держит под контролем значительную часть региона. Если же треугольник Крым – Каспий – Израиль совместно взять под контроль, может, мы сможем привести всех там в чувство? Есть ли перспективы глубокого сотрудничества у Израиля и России? Вот такой вопрос витает в воздухе.

А. С. Горелик

Профессор Тамбовцев, прошу!

В. Л. Тамбовцев, профессор экономического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова

Спасибо. Я, во-первых, хочу сказать, что присоединяюсь честно и с чувством глубокого удовлетворения практически ко всей критике, которая была высказана в адрес доклада, который мы обсуждаем. Сам бы хотел остановиться на очень маленьком и частном сюжете, который тем не менее звучал и в этом докладе, и у одного из наших докладчиков. Речь о том, что в основе всего лежит культура, мировоззрение, и вот их-то и надо менять. Где-то с год назад я присутствовал на некоем мероприятии, на

В.Л. Тамбовцев

продолжения которого перестал ходить. Это работа одной из групп, которая готовила так называемую программу Кудрина. И там один молодой человек, послушав, о чём шла речь, сказал, задумавшись и мечтательно: «Чёрт, как бы этому населению перепрошить ценности!». Вот тут я всё понял. Ну что на это скажешь?! Вот примерно такая же позиция, как мне кажется, и у авторов обсуждаемого доклада. Мировоззрение надо менять. Как, интересно?!

Во-первых, это стопроцентная проблема «курицы и яйца». Есть люди, которые говорят, что надо менять мировоззрение, не меняя условия жизни. Я не говорю о пресловутых там уровнях потребления и прочем. Среда, в которой люди живут,— она откуда-то берётся. Мировоззрение — его что, марсиане заносят или папа с мамой? Мировоззрение — это непонятным образом отражённое, зафиксированное в мозге человека представление о том, что такое хорошо и что такое плохо. И оно формируется, когда человек наблюдает окружающую жизнь и сам участвует в ней. Какие выводы он делает из получаемого опыта, он сам не понимает. Это во многом неосознаваемые процессы. Что-то он осознает, к чему-то он тянется сам, формирует себе круг общения, ту среду, что ему нравится, то есть это процесс со множеством

обратных связей. Изменить мировоззрение — как? Что, лекции читать по телевизору? Или отстреливать тех, у кого неправильное мировоззрение? Это простой и ясный путь, как выработать мировоззрение: если неправильное — на перевоспитание, в деревню или в лагерь. Но мне почему-то кажется, что авторы доклада хотели чего-то другого, а тогда это становится абсолютно не технологичным процессом.

И второе замечание, касающееся прогресса, разнообразия его измерений и всего, что с этим связано. Если мы говорим о том, что человечество эволюционирует, то эволюция, вообще-то, open-ended process. И причём здесь прогресс?! Она на то и эволюция, она как рыночный процесс. А к чему он приведёт-то?! Об этом можно только догадываться или пытаться как-то влиять на него.

Так что — или эволюция, или прогресс. Если прогресс — значит, находится кто-то, кто говорит: «Я знаю, как надо». Могу в этой связи только напомнить из Александра Аркадьевича Галича: «Не бойтесь тюрьмы, не бойтесь сумы. /Не бойтесь мора и глада,/ А бойтесь единственно только того,/ Кто скажет: “Я знаю, как надо!”». Спасибо.

А. С. Горелик

Спасибо. Я признателен вам за то, что вы перевели разговор в плоскость человеческого капитала. Я думаю это то, чего нашей дискуссии не совсем доставало до сих пор.

У кого-то ещё есть желание высказаться? Если нет — что не удивительно, потому что наши сегодняшние докладчики очень плотно охватили проблему, — по традиции у докладчиков есть возможность ответного слова.

В. А. Исаев

Спасибо за комментарии. Многие из них я воспринимаю, прямо скажем, не то чтобы не скажу негативно, наоборот, очень позитивно, но есть определённое недопонимание.

Я не могу за двадцать минут рассказать вам о двадцати двух арабских странах. Это невозможно. Прошу прощения, я в институте только о нефтедобывающем комплексе арабских стран читаю целый семестр, понятно, по каждой стране. Нет единого комплекса у арабов.

Тут говорили о двусторонних отношениях. Скажите, пожалуйста, Соединённые Штаты торгуют комплексно с арабскими странами? Ничего подобного, там только двусторонние отношения. С одними хуже, с другими лучше. И нельзя одинаково торговать с Кувейтом и Египтом, это невозможно. Разный спектр услуг, разный спектр товаров, разные требования к товарам, которые предъявляются как кувейтской, так и египетской сторонами, так же и Россией.

Насчёт «нефтяного проклятия», может быть, я неправильно выразился. Я имел в виду то, что в ближайшие сорок лет, к сожалению, арабский регион в целом с этой нефтяной иглы слезть не сможет. Чисто природно-климатически это невозможно сделать. Да, изменения есть. Если тридцать лет назад в экспорте Кувейта сырая нефть

(если мы возьмём нефть за 100%) составляла 90%, сейчас — чуть больше 30, остальное — это нефтепродукты, переработка, нефтехимии и так далее. Я разве сказал, что они не развиваются? Ничего подобного я и говорить не мог.

Что ещё? Понятно, что существует разница между арабскими странами. К сожалению, это не единое государство, это двадцать два разных государства. Если наши регионы были бы государствами, тогда можно было бы это оспаривать. Это двадцать два самостоятельных, независимых, ну, за некоторым исключением типа Палестины, абсолютно независимых государства. И простите меня, а что Египет с кем-то координирует свои действия на основе арабского единства? Я не заметил. Кто-то как-то координирует действия в рамках Совета сотрудничества стран Персидского залива. И то Катар выкинули, потому что он «не так сотрудничает». Где планы по созданию единого арабского рынка, стран великого Магриба? Вспомните судьбу Объединённой Арабской Республики и т.д.

Реплика

Координация российских регионов...

В. А. Исаев

Простите, я сейчас не о координации российских регионов. Невозможно представить единую вертикаль власти в арабском регионе. Её там не было исторически. И не прослеживается минимум на ближайшие сто лет. Спасибо.

Е. Я. Сатановский

Ну, давайте я с присущим мне оптимизмом что-нибудь скажу.

Насчёт российских регионов. Помните, была такая страна — Советский Союз нерушимый республик свободных, с братскими советскими социалистическими, а заодно и славянскими. Недавно был. И куда они делись? На начало правления Владимира Владимировича восемь или девять регионов, как карта легла, на которые Российская Федерация должна была распасться. Ещё двадцати лет не прошло, уверяю вас, если что, мы это с вами увидим.

Вы о каком единстве регионов говорите? Чечня с Кадыровым, получающая из Москвы деньги, — она часть Российской Федерации. А без Путина и не получающая, — на кой чёрт ей эта Российская Федерация нужна! Я наблюдаю, как Рамзан Ахматович укрепляет свой маленький эмират. Помимо международного аэропорта там есть и международный центр подготовки спецназа, с участием Ближнего Востока, самая большая мечеть в Европе. Всё хорошо. Вы о чём, о каких регионах вы говорите?

Понимание того, что в этих регионах ничего, кроме возможности взять и в узилище отвезти губернатора, если он начнёт себя завтра неправильно проявлять, как было с Хорошавиным, — такое понимание у начальства есть, поэтому все эти назначения, переназначения, силовики. Некоторые из ближних замов Чубайса ровно это мне

и рассказывали: ничего общего у наших регионов меж собой нету. И не по экономическому уровню. Завтра окажется, если карта ляжет, что у Татарстана с экономикой, которая ближе к Москве, чем к Чукотке, ничего общего с этой Москвой не будет.

Любой нормальный сепаратизм — вещь святая: тебя не выгонят, тебя не уволят, свои деньги напечатаешь, себя на них напечатаешь, а хочешь, зайчиков напечатаешь или медвежат, как у Лукашенко. Начальника над тобой не будет. Вы про что? Угроза распада Российской Федерации отсутствует? Она чрезвычайно высока. А Росгвардию под что создавали? Угроза состоит в том, что мир так устроен, люди так устроены — не любят люди кому-то подчиняться, особенно в большой стране.

А в случае, когда мы говорим об арабах, — а мы всё-таки в основном говорим об арабах, — то мы говорим о племенах. Понимаете, мне же бесполезного вас спрашивать, вы из радимичей будете, вятичей, кривичей, правда? Потому что это было на нашей территории очень давно. Это уже давно не актуально. А когда вы пойдёте в Казахстан, очень важно из какого вы жуза⁵ — Младшего, Среднего, Старшего. Ой, как это актуально!

Реплика

Важно, из какого региона.

Е. Я. Сатановский

Понимаете, в чем дело, регион и племя — это разные вещи. Найдите в Туркмении кого-нибудь, кто сможет возглавлять эту бывшую советскую социалистическую республику, ныне независимое государство, если он не из Ахал и ещё и Теке⁶. Только это племя, только этот клан, всё остальное — «сказки братьев Grimm».

Мы говорим об арабском востоке, где племена — это главное и единственное. Да, в Иране это не так, в Египте, в Турции это не так. Старые империи. А во всём остальном мире это так. «Из какого клана будете?» Какое единство, вы о чём? Очень часто даже не какое племя, а какой клан. Есть один вопрос, по которому арабский мир может быть единым, — это принять в Лиге арабских государств резолюцию против Израиля. Нет ни одного примера, когда эти ребята при любых обстоятельствах были бы едиными. Даже принять в ООН несчастную Мавританию — как они разругались между собой: а что это такое, государство или часть Марокко? Идите вы добейтесь единства по любому вопросу между Марокко и Алжиром, между ливийскими кланами и племенами. Убрали Каддафи, нет авторитарного диктатора — нет страны, сплошная резня. В том числе между близкородственными арабами, если уж забыть

⁵ Жуз (каз., «сотня») — исторически сложившиеся объединения казахов.

⁶ Ахал-Теке — один из оазисов в Центральной Азии, расположен на юге Аралокаспийской низины в Туркменистане; текинцы (также теке, букв. «горные козлы») — одна из крупнейших племенных групп в составе туркменского народа.

про берберов, тубу, туарегов в глубинке... — так это ж, Господи, о чём мы говорим! В этом плане я совершенно согласен с Владимиром Александровичем, так оно устроено.

По поводу того, что не сказал бы, что наши успехи в этом регионе — это, условно, армия и только армия. Заметьте, армия, во главе которой стоит Шойгу с его командой, плюс Герасимов [начальник Генштаба] и Цаликов [первый замминистра обороны]. Если бы это была армия, в том числе в Крыму, во главе которой стоял бы Сердюков, то большей катастрофы придумать было бы нельзя. Вся эта питерская бригада могла только «порулить». Мы вчера в Минобороны с Шойгу вспоминали в том числе тот замечательный пример хозяйствования этой структуры по всему фронту. Чёрт его знает, наверное, это так в Российской империи, в Советском Союзе, неважно, во времена Пржевальского, Булак-Булаховича или кого угодно, — вокруг армии строится страна, хозяйство, инфраструктура управления, хоть стрелцов туда загоните, хоть петровских гвардейцев, кого хотите. В этом плане я действительно сильно надеюсь на то, что удалось сделать внутри страны, а теперь уже и в Сирии. А это бешеный прыжок на логистических вещах, потому что отработали некоторые механизмы, которых по определению не то что не было, их придумать было нельзя. Мы видим по Астане и сочинской ситуации, как изменилась дипломатия, как военная дипломатия сделала абсолютные чудеса, которые сделать было нельзя, их даже никто не пытался делать.

Но с другой стороны, я вижу тяжелейшее сопротивление нашей мидовской команды, которая искренне привыкла к ООН, Женеве и всему остальному. Я несколько десятилетий занимаюсь проблемами ООН в связи с палестинским вопросом, израильской темой, примерно представляю, как это работает. При этом отдавая должное целому ряду гуманитарных и прочих программ. Я несколько лет подряд вижу, что творится вокруг Сирии в самых, казалось бы, интимных вещах, где химическое оружие, вопросы беженцев — ну, катастрофа, катастрофа, катастрофа! При том что абсолютно бесполезно задавать вопросы, взывать к совести и всему остальному.

Я примерно представляю, какие разведки ставят в ООН каких ребят и в какие комитеты, они через меня все прошли. И сегодня я перестал их к себе пускать. Да, они под крышей ООН, но это бесполезно и не лечится. Другое дело, что здесь мы, Россия, как коллективный еврей, эдакий коллективный Израиль. Я не без яда говорю: что, ребята, получили? Вы хотели резолюцией ЮНЕСКО голосовать по Иерусалиму, а по Крыму вы не хотите такие же резолюции получать? Точно такие же от тех же самых ребят. Вы думали, туда съёте, а у нас всё будет хорошо, мы член Совбеза?

И здесь давайте говорить: великая держава — она кто? Она страна, у которой есть набор атомных бомб, поэтому она может себе всё позволить по-настоящему. Не экономика, это всё сказки. Она может сделать, что хочет, а её никто не тронет. Вот это характеристика великих держав. Хочется, чтобы было иначе, но это, к большому сожалению, не так.

В этом плане мы сегодня супердержава — сверхдержава, исходя исключительно только из военных технологий и больше не из чего. Просто потому, что мы их уничтожить можем и они нас могут. И всё. Плохо? Конечно. Но надежд на то, что будет что-то в экономике, в инфраструктуре и во всём остальном, извините, у меня нет. Я в этой экономике живу. Безусловно, несмотря на всю работу правительства, экономика в стране существует. Несмотря на то, что сделано ради того, чтобы всё растащить, есть ряд отраслей промышленности и остатки чего-то, что было в советские времена, и их ещё развили, всё-таки удалось это сделать. Но точно не благодаря, а сильно вопреки. Это несмотря на нашу кадровую политику. Развожу руками, других начальников у нас нет.

Если говорить о Ближнем и Среднем Востоке и чему учить... Я своих [студентов] двадцать лет учу, учу как оно есть. Мне совершенно безразлично про страну или культуры мы говорим, или про людей, потому что без людей ничего нет: человеческий фактор — главное. Поэтому ты рассказываешь, какие там племена, кто против кого, какие местные бабаи против каких местных бабаев, что, когда, в какой период менялось. Как и кто в какой момент с какой страной и на каком основании — я имею в виду европейские страны, Америку, Японию, Китай и всех остальных — сотрудничает или, наоборот, противостоит, как это всё работает, как можно на всё это повлиять.

Очень важно, чтобы, во-первых, понимая это, понимали ещё, где и в какой момент их собственное начальство — эти дети выучатся и пойдут молодыми специалистами — будет тянуть их в аферы или подставлять, в результате чего они сядут и надолго, потому что это святое, чтобы именно молодой специалист в рамках кражи какого-нибудь бюджета и сел. И вообще, чтобы понимали, как этот мир устроен, в котором мы тоже живём, и соображали, что нужно делать, чтобы кормить под старость своих стареньких родителей, а желательно и детей, быть независимыми, как мне в своё время удалось. Понятно, что нужно строить собственную финансовую базу, а потом развлекайся, сколько хочешь. Хочешь — наукой занимайся, хочешь — студентам преподавай. Если тебе с бюджетом никто ничего не сделает и не отключат от кислорода, как случилось, когда «Лужкова нет, а вот у нас Собянин». Сколько людей отключили от экономических механизмов?

Что касается Израиля, у нас вечная идея, что Россия — родина слонов, третий Рим, мы вместе с кем-нибудь кого-нибудь как построим! Есть реальность. Есть вещи, которые нам удалось сделать с Израилем. Я довольно много этим занимаюсь, извините, лет сорок. Поэтому у нас министр обороны звонит другому министру обороны по мобильнику, а если тот не возьмёт, то я позвоню. Мы так это сделали, создали межпарламентский комитет по воздействию в сфере обороны и много чего решаем. Но у Израиля свои интересы, у России — свои. Нам удалось развести эти интересы, чтобы лоб в лоб не сталкивались. Даже в Сирии, слава Богу, скоординировались до ситуации, когда умудряешься не наступать друг другу на ноги, если есть какие-то темы, то

решать их. Но сам вопрос, кого-то где-то держать... Ещё раз повторяю: мы помойки не можем обустроить, куда нам лезть кого-то держать! Эта великодержавная амбиция — за свои миллиарды обустроить чужую атомную электростанцию, по дороге украсть, потому что процесс-то правильный такой, а французы построят турбины на Турцию, не Мордашов строит. Что это для российской экономики — я понять не могу. Первые пятьдесят миллионов украли на тендере на гравий за полчаса — было интересно, турки удивились.

В этом плане наша задача сегодня такая же, как у израильтян. Израиль последний раз влезал в местные тяготы в Ливане в 1982 году. Всё. Закрыв эту тему. Сами развиваются, обеспечили себе безопасность. У нас большая, необустроенная территория. Было бы хорошо, если бы мы смогли её в нормальное что-нибудь сами у себя превратить, это значительно важнее, чем гоняясь за мифологиями, потерять собственную страну. А это вполне возможно.

Что касается стратегии. Ребята, если мне кто-нибудь скажет, какая у нас стратегия по Украине, Казахстану? Я про Прибалтику не говорю, про Центральную Азию мне кто-нибудь может сказать — там напрашивается стратегия пресечения наркотрафика? Не участие в наркотрафике, а его пресечение. Ну, я такой забавный, старый советский оперотрядник. Мне было бы очень интересно, я бы с удовольствием услышал. Задать вопрос только некому.

Так что к вопросу стратегии — тут бы пока тактикой ограничиться и хотя бы разобрат помойки. Ну, так.

А. С. Горелик

Спасибо большое. Я думаю, у нас получился удачный вечер: отличные выступления, очень хорошие комментарии, вопросы. Давайте друг другу поаплодируем.

Никитский клуб
Цикл публичных дискуссий
«Россия в глобальном контексте»

Выпуск 93

РОССИЯ И БОЛЬШОЙ БЛИЖНИЙ ВОСТОК

Редактор выпуска *Н. М. Румянцева*
Фото *Виктор Федоров*